

ЛОУРЕНС РИС

ОСВЕЩЕНИЕ

НАЦИСТЫ
И «ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ
ЕВРЕЙСКОГО ВОПРОСА»

18+

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Преступления против человечества

Лоуренс Рис

**Освенцим. Нацисты
и «окончательное решение
еврейского вопроса»**

«Азбука-Аттикус»

2005

УДК 94(430).086
ББК 63.3(4)6

Рис Л.

Освенцим. Нацисты и «окончательное решение еврейского вопроса» / Л. Рис — «Азбука-Аттикус», 2005 — (Преступления против человечества)

ISBN 978-5-389-13525-3

Из концентрационного лагеря для польских политических заключенных Освенцим превратился в место, где произошло крупнейшее в истории массовое убийство. Разыскав свидетелей тех событий, изучив документальный материал из недавно открытых архивов, Лоуренс Рис опровергает ряд заблуждений, касающихся Освенцима и Холокоста, и дает исчерпывающую картину того, что творилось в лагерном комплексе, где было зверски уничтожено более миллиона людей. История невыносимой жестокости, история мужества, выживания и спасения, непредвзятый анализ множества факторов, сочетание которых привело к тому, что в самом сердце Европы случилась трагедия такого чудовищного масштаба.

УДК 94(430).086

ББК 63.3(4)6

ISBN 978-5-389-13525-3

© Рис Л., 2005

© Азбука-Аттикус, 2005

Содержание

Введение	6
Глава 1	15
Глава 2	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Лоуренс Рис
**Освенцим. Нацисты и «окончательное
решение еврейского вопроса»**

Copyright © Laurence Rees 2005

© Ивахненко А., перевод на русский язык, 2013

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2018

КоЛибри®

*В память о более чем миллионе мужчин, женщин и детей,
погибших в Освенциме*

Введение

Читать эту книгу очень тяжело, но я верю, что написал ее не зря. Не только по той простой причине, что, согласно опросам общественного мнения¹, в сознании народа отсутствует единое представление об истинной истории Освенцима, но и потому, что, надеюсь, моя книга значительно отличается от предыдущих изданий на ту же тему.

Данное произведение стало своеобразным итогом пятнадцатилетней деятельности, во время которой я писал книги и снимал телепередачи о нацистах, и представляет собой попытку продемонстрировать, почему одно из ужаснейших преступлений в истории лучше всего понимается через призму одного конкретного места: Освенцима. В отличие от истории антисемитизма, у Освенцима есть четкая дата начала (первых заключенных-поляков доставили туда 14 июня 1940 года), и, в отличие от истории геноцида, у него также есть и четкая дата окончания (лагерь освободили 27 января 1945 года). Между этими двумя датами Освенцим прожил сложную и удивительную жизнь, во многом ставшую отражением хитросплетений расовой и этнической политики нацистов. Освенцим никогда не задумывался как лагерь по уничтожению евреев, а «окончательное решение еврейского вопроса» никогда не считалось единственной его задачей – хотя именно эта задача со временем стала главной. Кроме того, он постоянно физически изменялся, зачастую – в ответ на успехи или неудачи немецких военных действий на фронте. Освенцим, через свою разрушительную деятельность, стал физическим воплощением фундаментальных ценностей нацистского государства.

Изучение жизни Освенцима также предлагает нам не только возможность взглянуть на нацизм «изнутри»; оно дает нам шанс понять поведение человека в едва ли не самых экстремальных условиях за всю историю. И поняв его, мы сможем многое понять и о себе.

Эта книга появилась в результате уникального исследования – около сотни специально проведенных бесед с бывшими преступниками-нацистами и уцелевшими узниками лагеря. К тому же она опирается на сотни других интервью, которые я взял в рамках предыдущей работы над темой Третьего рейха, многие из них – с бывшими членами Национал-социалистической партии². Польза от личных встреч и бесед с уцелевшими узниками и преступниками огромна. Они дают такую возможность заглянуть за кулисы, которую редко получаешь, работая исключительно с письменными источниками. Так, хотя я интересуюсь этим историческим периодом еще со школы, совершенно определенно могу сказать, что мой глубокий интерес к Третьему рейху зародился в один конкретный момент: в 1990 году, во время беседы с бывшим членом Национал-социалистической партии. Когда я работал над сценарием и ставил фильм о докторе Йозефе Геббельсе, то разговаривал с Вильфридом фон Овеном, который, как личный референт Геббельса, очень тесно работал с печально известным министром пропаганды нацистов. После официального интервью, за чашкой чая, я спросил этого умного и обаятельного человека: «Если бы вы могли одним словом подвести итог своих впечатлений от Третьего рейха, что бы вы сказали?» Герр фон Овен на минутку задумался, формулируя ответ, а я для себя решил, что в его ответе будет содержаться ссылка на ужасные преступления режима – преступления, которые он совершенно открыто признал, – и о том вреде, который нацизм нанес человечеству. «Что ж, – наконец, произнес он, – если бы я мог одним словом подвести итог своих впечатлений от Третьего рейха, то этим словом было бы слово – рай».

«Рай?» Это абсолютно противоречило всему, что я читал до этого в книгах по истории. И это слово совершенно не увязывалось с этим элегантным, даже изысканным мужчиной, сидевшим напротив меня, который, если уж на то пошло, не выглядел и не говорил так, как, по моему мнению, должен был выглядеть и говорить бывший нацист. Но «рай»? Как такое возможно, как он вообще мог произнести такое слово? Как любой разумный человек мог воспринимать

Третий рейх, со всеми его зверствами, в таком ключе? Нет, правда: как такое возможно, что в двадцатом столетии жители Германии, культурной нации в самом сердце Европы, совершали подобные преступления? Вот, какие вопросы всплывали в моем мозгу в тот день, целую вечность тому назад, и до сих пор висят там тяжелым грузом.

В моих попытках ответить на эти вопросы мне помогли два удачных стечения обстоятельств. Первое из них заключалось в том, что я стал брать интервью у бывших нацистов как раз в тот момент, когда большинству из них откровенность ничем уже не угрожала. Лет пятнадцать назад, когда они еще занимали важные посты, были столпами общества, – они бы мне не ответили. Сегодня же большинство из них, включая обаятельного герра фон Овена, умерли.

На то, чтобы получить у них разрешение записать интервью, уходили месяцы, а иногда – и годы. Нам никогда не узнать, что перевешивало, убеждая того или иного человека позволить снять его на пленку. Но во многих случаях они четко понимали: чем ближе закат жизни, тем сильнее им хочется записать – включая все неприятные моменты – свой личный опыт, полученный в судьбоносное время; кроме того, они верили, что «Би-Би-Си» не станет извращать их слова. Я бы еще добавил: по моему мнению, только «Би-Би-Си» могло согласиться предоставлять нам необходимую поддержку для осуществления задуманного. Исследовательский период в этом проекте оказался столь долгим, что пойти на расходы в таких условиях могла себе позволить только государственная телерадиокомпания.

Вторым удачным стечением обстоятельств можно считать тот факт, что мой интерес совпал по времени с падением Берлинской стены и открытием границ со странами Восточной Европы. Тогда исследователи неожиданно получили доступ не только в архивы, но и к воспоминаниям конкретных, живых людей. Я снимал кино в Советском Союзе еще при коммунистическом режиме, в 1989 году, и в то время очень тяжело было убедить людей поговорить на тему истории их страны, не используя стандартные фразы из пропаганды. Теперь же, в 1990-х, словно прорвало плотину, и на волю хлынули долго подавляемые воспоминания и мнения. В Прибалтике мне доводилось слышать признания в том, что люди приветствовали нацистов как освободителей; в диких степях Калмыкии я из первых рук узнал об организованных Сталиным карательных депортациях целых народов; в Сибири я встречался с ветеранами, попадавшими в тюрьму дважды: один раз – по приказу Гитлера, второй – по приказу Сталина; а в деревеньке возле Минска я познакомился с женщиной, оказавшейся в самой гуще страшной в современной истории партизанской войны – немного подумав, она сказала мне, что красноармейцы-партизаны были хуже нацистов. Все это глубоко скрываемое осуждение так и умерло бы, вместе с осуждающими и осужденными, если бы не падение коммунистического режима.

И есть еще кое-что, еще более пугающее, с чем мне пришлось столкнуться во время путешествия по новым свободным странам, от Литвы до Украины и от Сербии до Беларуси: злобный антисемитизм. Я догадывался, что встречу с людьми, ненавидящими коммунистов – в новых условиях это было совершенно естественно. Но ненависть к евреям? Она казалась абсурдной, особенно потому, что в тех местах, которые я посетил, евреев практически не осталось – об этом позаботились Гитлер и нацисты. И тем не менее, старик в Прибалтике, помогавший нацистам расстреливать евреев в 1941 году, сейчас, 60 лет спустя, по-прежнему считает, что совершал благое дело. И даже кое-кто из тех, кто воевал с нацизмом, придерживался достаточно радикальных антисемитских взглядов. Я помню один вопрос, заданный мне украинским ветераном во время обеда. В молодости он храбро сражался в рядах партизан Украинской повстанческой армии, как с нацистами, так и с Советами, в результате чего подвергся гонениям. «Как вы относитесь, – спросил он меня, – к мнению о том, что существует международный заговор финансистов-евреев, действующих из Нью-Йорка и пытающихся уничтожить все нееврейские правительства?» На секунду я растерялся. Притом, что сам я не еврей, меня всегда шокирует откровенное проявление антисемитизма там, где этого никак ожидать нельзя. «Как я к этому отношусь? – наконец, произнес я. – Я считаю, что это полная ерунда».

Старый партизан опрокинул рюмочку. «Правда? – уточнил он. – Вот, значит, что вы думаете. Интересно...»

Но больше всего меня шокировал тот факт, что подобные антисемитские настроения разделяет отнюдь не одно только старшее поколение. Я вспоминаю женщину у стойки регистрации «Литовских авиалиний», которая, узнав, что мы снимаем фильм о евреях, сказала: «Так значит, евреями интересуетесь? Главное, не забывайте: Маркс был евреем». Или еще один случай в Литве: военный, лет 25, показывал мне место массовых убийств евреев в 1941 году, один из фортов в Каунасе. Он сказал мне: «Знаете, вы не на ту тему кино снимаете. Дело не в том, что мы сделали с евреями. Дело в том, что евреи сделали с нами». Я ни в коем случае не хочу предположить, что абсолютно все – или даже большинство – жителей стран Восточной Европы, которые я посетил, придерживается подобных взглядов; однако меня беспокоит сам факт, что такая предрасположенность высказывается так открыто.

Все это следует помнить тем, кто считает, что изложенное в моей книге не имеет никакого отношения к современной действительности. И об этом стоит поразмышлять верящим в то, что агрессивный антисемитизм был свойственен исключительно нацистам, или даже – одному только Гитлеру. Скажу прямо: миф о том, что преступление, состоявшее в истреблении евреев, было неким образом навязано немногими безумцами сопротивляющейся этому Европе, – один из самых опасных. Перед приходом нацистов к власти в Германии не было ничего «уникально истребительного» – если пользоваться громкими словами, модными в академической среде. Да и как иначе, если в 1920-х годах многие евреи Восточной Европы пытались скрыться от антисемитизма не где-нибудь, а в Германии?

Однако в самом менталитете нацистов есть нечто, по моему мнению, кардинально отличающее их от преступников, множившихся в других тоталитарных державах. Именно к такому выводу я пришел, когда закончил работу над тремя отдельными проектами о Второй мировой войне, каждый из которых вылился в отдельную книгу и документальный сериал: сначала *The Nazis: A Warning from History*, затем *War of the Century* – исследование войны между Сталиным и Гитлером, и наконец, *Horror in the East* – попытка понять японскую душу в 1930-х годах и Вторую мировую войну. Одним неожиданным последствием данного опыта стало то, что благодаря ему я (насколько могу судить) стал единственным человеком, который познакомился и побеседовал со значительным количеством преступников из всех трех основных тоталитарных держав времен Второй мировой войны: Германии, Японии и Советского Союза. И в результате такого опыта я могу утверждать следующее: нацистские преступники, с которыми я встречался, отличались от остальных.

В Советском Союзе атмосфера страха во времена правления Сталина была всеобъемлющей, в отличие от Германии времен правления Гитлера – по крайней мере, до последних дней войны. Рассказ одного бывшего советского военного летчика об открытых собраниях в 1930-х годах, на которых любого могли обвинить в том, что он «враг народа», до сих пор не дает мне покоя. Никто не был застрахован от стука в дверь среди ночи. И неважно, как сильно вы старались приспособиться, неважно, сколько лозунгов вы выкрикивали: злоба Сталина была столь велика, что никакие ваши поступки, или слова, или мысли не могли спасти вас, если луч прожектора падал на вас. Но в нацистской Германии, если только вы не входили в конкретную группу риска: евреев, коммунистов, цыган, гомосексуалистов, «тунеядцев» или, в общем, любую другую, находящуюся в оппозиции к режиму, – вы могли жить в сравнительном спокойствии, не испытывая особого страха. Несмотря на научные работы последних лет, в которых справедливо подчеркивается, как сильно зависела работа гестапо от доносов обычных граждан³, главная правда все равно остается прежней: большинство жителей Германии, с большой долей вероятности – вплоть до того момента, когда фашисты стали проигрывать войну, – чувствовали себя в такой безопасности и были так счастливы, что если бы в то время провели честные и свободные выборы, Гитлер снова одержал бы на них победу. Для сравнения:

в Советском Союзе даже ближайšie, самые преданные соратники Сталина никогда не могли спать спокойно.

Последствия этого для тех, кто совершал преступления по приказу Сталина, оказались следующими: страдания, которые они причиняли другим, были настолько безосновательны, что зачастую даже исполнители не понимали причин и оснований для приказов. Например, бывший советский сотрудник НКВД, давший мне интервью, приказывал калмыкам взять с собой теплые вещи и сажал их в поезда, идущие в Сибирь, – но он до сих пор не понимает, какие конкретно цели преследовала данная политика. На вопрос о том, почему он так поступал, он всегда дает один и тот же ответ – ирония состоит в том, что согласно распространенной легенде, именно так на аналогичный вопрос отвечают нацисты: он утверждает, что «просто выполнял приказ». Он совершал преступления потому, что ему так велели, и знал: если он не выполнит приказ, его расстреляют; а еще потому, что «начальству виднее». Разумеется, это означает, что когда Сталин умер, а коммунизм рухнул, такой человек мог двигаться дальше, оставив прошлое за спиной. Данная зарисовка также демонстрирует, что Сталин был жестоким диктатором, стремившимся запугать людей, но в истории человечества он не один такой: достаточно вспомнить нашего современника Саддама Хусейна.

Я также встречался с японскими военными преступниками, совершившими ряд самых ужасных в современной истории зверств. В Китае японские солдаты разрезали животы беременным женщинам и насаживали на штыки их еще не рожденных детей; они связывали крестьян и использовали их в качестве мишеней на упражнениях в стрельбе; они замучили тысячи невинных людей, применяя такие пытки, которые своей жестокостью могут поспорить с гестаповскими; и они проводили смертельные медицинские эксперименты задолго до доктора Менгеле и Освенцима. Вот, как вели себя люди, считавшиеся «загадочными». Однако после проведенного исследования оказалось, что ничего загадочного тут нет. Они выросли в чрезвычайно милитаризованном обществе, прошли военную подготовку в очень жестких условиях, им с самого детства внушалось, что Императору (выступавшему также в роли главнокомандующего) следует поклоняться, и вообще, они жили в культуре, которая исторически преобразовала очень человеческое желание адаптироваться в некое подобие религии. Все эти особенности сошлись в одном ветеране, который рассказал мне, что когда его пригласили поучаствовать в коллективном изнасиловании китайки, он воспринял акт не столько как действие сексуального характера, сколько как знак его окончательного принятия в члены группы, многие давнишние участники которой до того издевались над ним. Как и советские тайные сотрудники НКВД, с которыми я встречался, ветераны-японцы пытались оправдать свои действия практически исключительно с помощью ссылок на внешний источник – в данном случае, на сам режим.

Нечто совершенно иное происходит в умах многих нацистских военных преступников, и его суть в сжатом виде изложена в этой книге, в интервью с Гансом Фридрихом, который признает, что в составе отряда эсэсовцев на Востоке лично расстреливал евреев. Даже сегодня, когда нацистский режим давно повержен, он ничуть не сожалеет о своих поступках. Ему проще всего было бы спрятаться за оправданиями «выполнения приказов» или «промывки мозгов пропагандой», но сила его внутренней убежденности такова, что он этого не делает. Это отвратительная, презренная позиция – но вместе с тем, и очень интригующая. И современные доказательства демонстрируют, что она не уникальна. Например, среди документов Освенцима не обнаружено ни одного, где бы говорилось о том, что эсэсовца преследовали в судебном порядке за отказ принимать участие в убийствах, в то время как нет недостатка в материалах, демонстрирующих, что настоящая проблема с дисциплиной в лагере – с точки зрения руководства СС – состояла в воровстве. Таким образом, оказывается, что рядовые члены СС согласились с нацистским руководством, что убивать евреев – правильно, но не согласились с политикой Гимmlера в отношении того, что им не было дозволено получать личную выгоду от совершения

данного преступления. А наказания для эсэсовца, пойманного во время совершения кражи, могли быть весьма строгими – почти наверняка гораздо более серьезными, чем за простой отказ принимать активное участие в убийствах.

Итак, я пришел к выводу – основываясь не только на интервью, но и на последующей работе в архивах⁴ и беседах с учеными, – что люди, совершавшие преступления в рамках нацистской системы, гораздо охотнее возьмут на себя личную ответственность за свои действия, чем военные преступники, служившие режимам Сталина или Хирохито. Разумеется, это обобщение, и в каждом режиме найдутся люди, не соответствующие данному типу. И у всех этих режимов, разумеется, было много общего – не в последнюю очередь, колоссальная опора на массивную пропаганду соответствующей идеологии, насаждаемой сверху. Но как обобщение оно, на мой взгляд, достаточно обосновано, и вызывает тем большее любопытство, если учесть жесткую систему подготовки эсэсовцев и популярный стереотип, согласно которому немецких солдат сравнивают с роботами. Как мы увидим, эта тенденция – что отдельные нацисты, совершавшие преступления, чувствовали большую личную ответственность за свои действия, – способствовала созданию как Освенцима, так и, в целом, «окончательного решения еврейского вопроса».

Стоит попытаться понять, почему столь многие бывшие нацисты, с которыми я встретился за последние 15 лет, судя по всему, находят для себя внутреннее оправдание («я думал, что поступаю правильно»), а не внешнее («мне приказали поступить так»). Одно очевидное объяснение состоит в том, что нацисты основательно опирались на уже укоренившиеся убеждения. Антисемитизм существовал в Европе задолго до Адольфа Гитлера, и очень многие обвиняли евреев, пусть и безосновательно, в поражении Германии в Первой мировой войне. В целом, вся изначальная политическая программа нацистов в начале 1920-х годов была практически неотличима от программ бесчисленного количества других националистических партий правого толка. Гитлер не внес никаких новшеств в политическую мысль; однако он действительно принес новшества в принцип руководства. И в начале 1930-х годов, когда Германию накрыла депрессия, миллионы немцев, желая излечения страны от невзгод, добровольно обратили свои взоры на нацистов. На выборах 1932 года никого не заставляли под дулом пистолета голосовать за нацистов, и те получали все больше и больше власти в полном соответствии с существующим законодательством.

Еще одна явная причина того, почему система убеждений, предложенная нацистами, пустила такие глубокие корни, заключается в деятельности доктора Йозефа Геббельса⁵, пожалуй, наиболее успешного пропагандиста двадцатого столетия. В популярном мифе его часто изображают грубым полемистом, печально известным своим произведением *Der ewige Jude* («Вечный жид») – фильмом, в котором картины расстрелов евреев перемежаются изображениями крыс. Но в действительности, большая часть его работы была куда более тонкой и куда более коварной. Это Гитлер уделял значительное внимание таким наполненным ненавистью фильмам, как «Вечный жид»; Геббельсу же такой примитивный подход совершенно не нравился, он предпочитал куда более тонкую *Jud Suss* – драму, в которой прекрасную «арийку» насилует еврей. Анализ реакции публики, проведенный Геббельсом лично (он был просто одержим подобными исследованиями), показал, что он был абсолютно прав: любители кино предпочитали ходить на такие пропагандистские фильмы, где, по его выражению, «они не замечают никаких хитростей».

Геббельс полагал: гораздо предпочтительнее усиливать уже существующие предубеждения и предрассудки аудитории, чем пытаться изменить чью-то точку зрения. В тех случаях, когда возникала необходимость внести определенные коррективы во взгляды немецкого народа, он применял подход «движения со скоростью конвоя – ни в коем случае не быстрее, чем самое медленное судно в караване»⁶, и постоянно повторял, каждый раз немного по-раз-

ному, ту идею, которую хотел вложить в головы публики. Поступая так, он редко пытался сообщить что-то зрителям; он демонстрировал образы и рассказывал занимательные истории из жизни обычных немцев, подталкивая слушателей к необходимому выводу, давая им, однако, возможность считать, что к такому выводу они пришли совершенно самостоятельно.

На протяжении 1930-х годов Гитлер, с одобрения Геббельса, не часто пытался внушить большинству немцам политические взгляды наперекор их желанию. Разумеется, его режим отличался радикализмом, но предпочитал действовать с одобрения большинства, а в отношении столь необходимой динамичности – в значительной степени полагался на инициативу снизу. В свете всего вышесказанного, логичным кажется тот факт, что когда речь зашла о преследовании евреев, начиналось оно очень и очень осторожно. Как бы ни испепеляла Гитлера ненависть к евреям, на выборах в начале 1930-х годов эту политику он активно не проталкивал. Он не скрывал своего антисемитизма, но и он сам, и нацисты в целом, сознательно акцентировали внимание на других сторонах своей политики, например – на своем желании «возместить ущерб» от Версальского договора, создать рабочие места для безработных, вернуть людям чувство национальной гордости. Сразу после того, как Гитлер стал канцлером Германии, по стране прокатилась волна еврейских погромов, в значительной степени возглавляемая нацистскими штурмовиками. Кроме того, был объявлен бойкот евреям-бизнесменам (при поддержке Геббельса, ярого антисемита), но продержался он только один день. Нацистское руководство чутко следило за общественным мнением и в своей стране, и за рубежом; в частности, они вовсе не хотели, чтобы их антисемитизм привел к изоляции страны в мире. Еще два антисемитских всплеска (первый – в 1936 году, со вступлением в силу Нюрнбергских расовых законов, согласно которым евреи лишались всех гражданских прав и свобод, и второй – в 1938 году, когда в результате *Kristallnacht* («Хрустальной ночи») сжигали синагоги, а десятки тысяч евреев бросили в тюрьму) служат вехами в преследования евреев нацистами. Но в целом, развитие антисемитской политики проходило постепенно, и многие евреи старались перетерпеть тяготы жизни в Германии 1930-х годов. Нацистская пропаганда, направленная против евреев, проходила со скоростью «самого медленного корабля в конвое» Геббельса (исключение тут составляют немногие фанатики вроде Юлиуса Штрейхера и его возмутительных листовок *Der Stürmer*). Кроме того, до самого начала войны в кинотеатрах не демонстрировали откровенно антисемитских фильмов: ни *Der ewige Jude*, ни *Jud Süß*.

Понимание того, что нацисты продвигали политику уничтожения евреев шаг за шагом, противоречит понятному желанию указать на конкретный момент, когда было принято судьбоносное решение, приведшее к «окончательному решению еврейского вопроса» и газовым камерам Освенцима. Но эта история не так проста. На принятие решений, в результате которых возникла такая изощренная техника убийства, предполагавшая подвоз обреченных семей по железнодорожной ветке чуть ли не в сам крематорий, ушли годы. Нацистский режим практиковал то, что один известный историк назвал «кумулятивной радикализацией»⁷, в соответствии с которой каждое решение приводило к углублению кризиса, вследствие чего принималось еще более радикальное решение. Самый очевидный пример того, как события, виток за витком, могут приводить к катастрофе, – продовольственный кризис в гетто Лодзи летом 1941 года: эта ситуация заставила одного нацистского функционера спросить, «не будет ли наиболее гуманным решением покончить со всеми евреями, не пригодными для работы, с помощью какого-нибудь эффективного устройства»⁸. Таким образом, мысль об истреблении вводится под соусом «гуманности». Разумеется, не следует забывать, что продовольственный кризис в Лодзи возник, в первую очередь, из-за вполне конкретной политики нацистских властей.

Это вовсе не означает, что вины Гитлера в совершенных преступлениях нет – потому что, несомненно, она есть, – но вина эта более зловещая, чем если бы он просто однажды собрал всех своих подчиненных и заставил выполнить приказ. Все нацисты, занимавшие руководящие

посты, знали: есть одно качество в политике, которое их фюрер ценит превыше остальных – радикализм. Гитлер как-то признался: он хочет, чтобы его генералы походили на «собак, рвущихся с привязи» (и в этом отношении они, чаще всего, подводили его). Его пристрастие к радикализму, а также склонность стимулировать яростное соперничество среди руководителей партии нацистов, назначая двух человек на должности с приблизительно одинаковым кругом обязанностей, означали, что и в политической, и в административной системе Германии присутствовала колоссальная динамичность, и к тому же – серьезная внутренняя неустойчивость. Все знали, как сильно Гитлер ненавидит евреев, все слышали его речь в Рейхстаге, в которой он предсказывал «истребление» европейских евреев, если они «спровоцируют» мировую войну, так что все без исключения руководители партии нацистов понимали, какой именно политический курс в отношении евреев следует предлагать – чем радикальнее, тем лучше.

Во время Второй мировой войны Гитлер огромное количество времени уделял одному-единственному вопросу: как же ее выиграть? И он гораздо меньше времени тратил на «еврейский вопрос», нежели на тонкости военной стратегии. Пожалуй, его отношение к политике в отношении евреев можно сравнить с распоряжениями, которые он давал гауляйтерам (наместникам территорий) в Данциге, Западной Пруссии и Вартеланде, говоря о своем желании германизировать эти районы, и обещал не «задавать лишних вопросов» о том, каким образом они выполнили поставленную перед ними задачу, если только они ее выполнят. Потому совсем не трудно представить себе, как Гитлер аналогичным образом заявил Гиммлеру в декабре 1941 года, что хочет, чтобы евреев «истребили», и пообещал не задавать никаких вопросов касательно способа такого истребления, если они помогут достичь желаемого результата. Разумеется, мы не можем знать наверняка, какой именно оборот принял тот разговор, поскольку во время войны Гитлер осторожничал и использовал Гиммлера в качестве буфера между собой лично и осуществлением «окончательного решения еврейского вопроса». Гитлер понимал, какие масштабные преступления замышляют нацисты, и не хотел, чтобы какой-нибудь документ связал его с этими преступлениями. Но его непосредственное участие чувствуется везде: начиная с откровенной стилистики ненависти и тесной связи между встречами с Гиммлером в ставке Гитлера в Восточной Пруссии и заканчивая радикализацией преследования и убийства евреев.

Трудно передать то возбуждение, которое испытывали нацистские лидеры, служа человеку, осмеливавшемуся мечтать в таких эпохальных масштабах. Гитлер мечтал одержать победу над Францией за считанные недели – и преуспел. Он мечтал захватить Советский Союз – и летом и осенью 1941 года практически все указывало на его скорую победу. И он мечтал истребить евреев – в определенном смысле, эта задача оказалась наиболее простой для исполнения.

Конечно, амбиции Гитлера были колоссальными – но все они были исключительно деструктивными, и самой концептуально деструктивной из всех была именно идея «окончательного решения еврейского вопроса». Очень важно помнить: в 1940 году два нациста, которые со временем станут значимыми фигурами в разработке и осуществлении «окончательного решения еврейского вопроса», независимо друг от друга признали, что массовые убийства идут вразрез с «цивилизованными» ценностями, которых придерживались даже они. Генрих Гиммлер написал, что «физическое истребление народа» совершенно «не в немецком духе», а Рейнхард Гейдрих отмечал, что «биологическое истребление идет вразрез с благородством немецкой нации, как цивилизованного народа»⁹. Но шаг за шагом, в течение ближайших полутора лет, «биологическое истребление народа» стало именно тем политическим курсом, которым они пойдут.

Последовательно анализируя, как именно Гитлер, Гиммлер, Гейдрих и другие ведущие нацисты создали как «окончательное решение еврейского вопроса», так и Освенцим, позволяет нам увидеть в действии динамичный, радикальный и чрезвычайно сложный процесс при-

нения решений. Преступление, разработанное верхами, не спускалось вниз; точно так же оно не было придумано низами и одобрено верхами. Конкретных нацистов никто не принуждал совершать убийства, угрожая им страшными карами. Ничего подобного: это было коллективное предприятие, которым владели тысячи людей одновременно, и именно они принимали решение не просто участвовать в его деятельности, но и проявлять инициативу, чтобы решить проблему убийства людей и избавления от трупов в масштабах, ранее неслыханных.

Мысленно следуя по пути, которым шли как нацисты, так и те, кого они преследовали, мы также приобретаем уникальную возможность посмотреть изнутри на условия человеческого существования. И то, что мы узнаем, как правило, неприятно. Хотя, пусть и очень редко, нам встретятся отдельные люди, отличавшиеся благородством, по большей части, это история деградации. Трудно не согласиться с вердиктом Эльзе Бакер, оказавшейся в Освенциме в возрасте восьми лет, что «уровень человеческой испорченности не поддается описанию». Однако, если здесь есть проблеск надежды, он состоит в могуществе семьи как поддерживающей силы. Поистине героические поступки совершались людьми, оказавшимися в лагере, – ради отца, матери, брата, сестры или ребенка.

Но, пожалуй, прежде всего, Освенцим и «окончательное решение еврейского вопроса» демонстрируют способность ситуации влиять на поведение – до такой степени, какую себе сложно представить. Это подтверждает один из самых сильных и храбрых узников лагеря смерти, которым удалось уцелеть, – Тойви Блатт. Нацисты принудили его работать в Собиборе, но позже он рискнул жизнью и бежал: «Меня спрашивали: “Что ты узнал?” – но думаю, наверняка я узнал лишь одно: на самом деле, никто себя не знает. Ты обращаешься к приветливому прохожему, спрашиваешь его, где находится нужная тебе улица, – и он проходит вместе с тобой полквартала, чтобы ты не заблудился. Он такой вежливый, такой предупредительный. Но тот же самый человек в других обстоятельствах может оказаться гнуснейшим садистом. Никто себя не знает. В тех [других] ситуациях все мы могли быть хорошими, а могли – и плохими. Иногда, встречаясь с особенно вежливым или предупредительным человеком, я спрашиваю себя: “А как бы он повел себя в Собиборе?”»¹⁰.

Чему эти люди, которые выжили в лагерях смерти, научили меня (и, если быть честным, так же как и преступники), так это тому, что человеческое поведение очень тонкая штука, совершенно непредсказуемая и зачастую зависит от ситуации. Впрочем, разумеется, каждый отдельный человек стоит перед выбором, он волен поступить так или иначе; однако, к сожалению, для очень многих людей выбор определяется именно сложившейся ситуацией. Даже те необычные индивиды – как, например, сам Адольф Гитлер, – которые кажутся нам властителями собственной судьбы, в значительной степени были созданы именно реакцией на предыдущие ситуации. Тот Адольф Гитлер, который известен нам из истории, во многом сформировался благодаря взаимодействию между довоенным Гитлером, никчемным бродягой, и событиями Первой мировой войны – глобальным конфликтом, над которым он был не властен. Я знаком не с одним серьезным ученым, исследующим данный вопрос, и считающим, что Гитлер никогда бы не достиг такого выдающегося уровня, если бы с ним не произошла определенная трансформация во время той войны, и если бы он не испытывал сильное чувство горечи из-за поражения Германии. Поэтому мы можем пойти дальше, чем просто сказать: «Не будь Первой мировой войны, Гитлер не стал бы канцлером Германии», и вместо этого сказать: «Не будь Первой мировой войны, не было бы человека, ставшего тем Гитлером, которого мы знаем из истории». И хотя, разумеется, Гитлер сам решал, как ему себя вести (и при этом тысячи раз совершал свой личный выбор, из-за чего и заслуживает того бесчестия, которое на него, в результате, обрушилось), само его существование стало возможным лишь благодаря конкретной исторической ситуации.

Однако эта история также демонстрирует нам, что если отдельные люди меняются под воздействием ударов судьбы в зависимости от ситуации, то группы людей, работающих вме-

сте, могут создать лучшие культуры, которые, в свою очередь, могут помочь отдельным людям вести себя более благородно. История о том, как датчане спасали своих евреев, и о том, как они обеспечили возвращающимся евреям теплый прием в конце войны, представляет потрясающий пример последнего. Датская культура отличалась сильной и распространенной верой в неизблемость прав человека, что способствовало благородному поведению большинства жителей. Но не стоит впадать в излишний романтизм в отношении опыта Дании. На датчан тоже оказывали колоссальное влияние ситуационные факторы, которыми они не управляли: время нападения нацистов на датских евреев (в тот момент, когда немцы, со всей очевидностью, проигрывали войну); географическое расположение страны (предоставлявшее достаточно простой путь побега через узкую полосу воды в нейтральную Швецию); и отсутствие слаженных усилий СС по принуждению к депортациям. Тем не менее, разумно сделать вывод, что одна форма частичной защищенности от еще больших зверств, наподобие Освенцима, заключается в коллективной гарантии отдельных людей, что для культурных обычаев их общества подобное страдание невыносимо. Социал-дарвинистские идеалы нацизма (идеи закономерности естественного отбора и борьбы за существование, выявленные Чарльзом Дарвином в природе и распространяемые нацистами на отношения в человеческом обществе), покоящиеся на заверении каждого «арийского» немца в том, что он принадлежит к расе господ, разумеется, создавали прямо противоположный эффект.

И, тем не менее, данная тема все равно вызывает чувство глубокой печали, которое ничем не утолить. Все время работы над этим проектом для меня громче всего звучали голоса тех, у кого уже нельзя взять интервью: голоса 1,1 миллиона человек, убитых в Освенциме, и в частности, – более двухсот тысяч детей, умерших там, лишенных права вырасти и познать жизнь. В память мне врезался один образ, врезался в тот самый момент, как мне его описали. Это был образ «процессии»¹¹ пустых детских колясок – собственности, украденной у погибших евреев, – которую вывозили из Освенцима в сторону вокзала, по пять штук в ряд. Узник, видевший эту колонну, говорит, что она ехала мимо него в течение целого часа.

Дети, прибывшие в Освенцим в этих колясках, вместе с мамами, папами, братьями, сестрами, тетями и дядями – всеми, кто погиб там, – и есть те, которых мы должны помнить вечно, и данная книга посвящается их памяти.

*Лоуренс Рис,
Лондон, июль 2004*

Глава 1

Непредвиденное начало

Тридцатого апреля 1940 года давние амбиции гауптштурмфюрера сс (капитана) Рудольфа Хесса наконец осуществились: в возрасте 39 лет, после шести лет службы в частях СС, он был назначен комендантом одного из первых в Новом рейхе нацистских концентрационных лагерей. В этот весенний день он прибыл для исполнения обязанностей в небольшой городок, где всего восемь месяцев назад еще была юго-западная Польша, а теперь – немецкая Верхняя Силезия. По-польски городок назывался Освенцим, по-немецки – Аушвиц.

Правда, самого лагеря, комендантом которого он был назначен, еще не существовало. Для начала Хессу предстояло возглавить его строительство на окраине города, на месте полуразвалившихся и кишевших паразитами бывших польских казарм, сгрудившихся вокруг манежа для объездки лошадей. Окрестности будущего лагеря выглядели весьма удручающе. Земли между реками Сола и Висла представляли собой плоскую, унылую равнину с сырым и нездоровым климатом.

В тот день никто (в том числе и сам Рудольф Хесс) не мог предсказать, что в течение пяти лет лагерь станет местом самого массового убийства, какое только когда-либо знал мир. А история того, как были приняты решения, приведшие к таким последствиям, является одной из самых ужасных и бесчеловечных страниц в истории всего человечества. Эта история позволяет раскрыть сущность нацистского государства и предоставляет возможность проникнуть в механизм его функционирования.

Адольф Гитлер, Генрих Гиммлер, Рейнхард Гейдрих, Герман Геринг... Это они и им подобные нацистские лидеры, рангом чуть пониже, принимали решения, по которым в Освенциме было уничтожено более миллиона человек. Но решающей предпосылкой для совершения этих чудовищных преступлений явился также образ мыслей более мелких нацистских функционеров, таких как Хесс. Ведь это именно он, будучи комендантом лагеря, превратил его территорию в место массовых убийств в невиданных до сих пор масштабах. Без Хесса Освенцим никогда бы не стал тем, чем он стал в итоге.

Во внешности Рудольфа Хесса не было ничего примечательного. Среднего роста, темно-волосый, с правильными чертами лица. Не урод, но и не писанный красавец. По словам американского адвоката Уитни Харриса, который допрашивал Хесса во время Нюрнбергского процесса, тот выглядел «самым обыкновенным человеком – так, нечто вроде продавца бакалейной лавки». Несколько поляков – бывших заключенных Освенцима – подтверждают это впечатление, вспоминая Хесса как спокойного, сдержанного человека, – мимо таких каждый день проходишь на улице, не обращая никакого внимания. Одним словом, внешность Хесса не имела ничего общего с тем образом красномордого, брызжущего взбешенно слюной нацистского чудовища, какими их принято представлять. И это делает его еще страшнее.

Хесс занес свой чемодан в гостиницу, расположенную через дорогу от железнодорожного вокзала Освенцима (эта гостиница будет в дальнейшем служить для офицеров СС опорным пунктом, пока для них не подыщут более подходящего помещения на территории лагеря). Однако этим его багаж не ограничивался: вместе с чемоданом он нес с собой все, что отложилось в уме за всю его сознательную жизнь, посвященную служению делу национал-социализма. Как у большинства убежденных нацистов, его характер и взгляды сформировались под влиянием предыдущих 25 лет немецкой истории – самых бурных за все время существования страны.

Хесс родился в 1900 году в Шварцвальде, в семье католиков. С ранних лет на его становление наложил серьезный отпечаток целый ряд факторов: властный отец¹, требовавший

беспрекословного подчинения; затем служба в армии во время Первой мировой войны, где Хесс оказался одним из самых молодых унтер-офицеров; и потом, когда Германия потерпела поражение – горькое, отчаянное чувство, что его предали; затем, в начале 1920-х, служба в полувоенных отрядах фрайкора¹, которые имели целью бороться с коммунистической угрозой, вроде бы ощущавшейся у самых границ Германии; и, наконец, активное участие в агрессивной политической деятельности крайне правых, что в 1923 году привело Хесса к тюремному заключению. Многие, очень многие нацисты прошли через те же испытания – и не последним из них был Адольф Гитлер. Сын деспотичного отца², вынашивавший лютую ненависть к тем, кто, по его мнению, привел Германию к поражению в войне, в которой он участвовал (и во время которой был, как и Хесс, награжден Железным крестом), Гитлер пытался захватить власть во время вооруженного путча – в том самом 1923 году, когда Хесс оказался замешанным в убийстве по политическим мотивам.

Гитлер, Хесс и другие ультраправые националисты стремились понять, почему Германия проиграла войну и подписала такой унижительный мирный договор. В первые послевоенные годы они думали, что нашли ответ на этот вопрос. Разве не ясно, что во всем виноваты евреи? Нацисты указывали на то, что министром иностранных дел в новом послевоенном правительстве Веймарской республики стал еврей Вальтер Ратенау. А в 1919 году они вообще пришли к твердому убеждению, что между иудаизмом и ненавистным им коммунизмом вне всякого сомнения существует прямая связь: ведь весной того года в Мюнхене, по примеру Советской России, была создана, – правда, ненадолго – Баварская Советская Республика – и большинство лидеров этой возглавляемой коммунистами республики были евреями.

Для нацистов не имело никакого значения ни то, что огромное количество патриотически настроенных немецких евреев во время войны храбро сражались, и многие из них погибли, ни то, что тысячи немецких евреев не были ни коммунистами, ни вообще левыми. Гитлер и его сторонники с легкостью нашли козла отпущения: кто виноват во всех бедах Германии – конечно же, евреи! В этом убеждении молодая партия нацистов опиралась на многовековой немецкий антисемитизм. С самого начала нацисты заявляли, что их ненависть к евреям основана не на дремучих предрассудках, а на строго научных фактах: «Мы боремся с ними [евреями], потому что их деятельность вызывает *расовый туберкулез у народов*, – гласит один из первых нацистских плакатов, вышедший в 1920 году. – Мы уверены в том, что выздоровление может наступить только после того, как эта бактерия будет уничтожена»³. Подобные псевдоинтеллектуальные нападки на евреев оказывали серьезное влияние на таких людей, как Хесс. Хотя сам он утверждал, что презирает примитивный, исповедующий насилие, почти порнографический антисемитизм, который пропагандировал другой известный нацист, Юлиус Штрайхер, в своей газете *Der Sturmer*². «Неистовое гонение на евреев, к которому призывала эта газета», – писал Хесс уже в тюрьме, после поражения нацизма, – сослужило плохую службу делу антисемитизма»⁴. Он считал, что его подход к этому вопросу всегда был более взвешенным, более «рациональным», и заявлял, что у него лично почти не было раздоров или ссор с какими-либо конкретными евреями; для него суть дела состояла в существовании «международного всемирного еврейского заговора», посредством которого евреи якобы тайно держали в своих руках рычаги власти, стараясь всячески помогать друг другу через любые национальные границы. Именно это, с его точки зрения, и привело к поражению Германии в Первой миро-

¹ Ф р а й к о р ы – полувоенные добровольческие формирования крайне правого, реваншистского толка, действовавшие в Германии в первые годы Веймарской республики. Многие бойцы этих формирований впоследствии стали активными членами нацистского движения.

² *Der Sturmer* («*Штурмовик*») – газета, выходившая в Нюрнберге с 1923 по 1945 годы. В отличие от другой нацистской прессы являлась бульварным изданием, обращавшимся к самым низменным инстинктам читателей. В газете печатались в основном статьи, возбуждавшие ненависть к евреям, коммунистам и другим «врагам рейха» и было очень много карикатур, порой откровенно порнографических.

вой войне. И именно это, как он считал, необходимо было вырвать с корнем: «Как нетерпимый национал-социалист я был абсолютно убежден в том, что наши идеалы постепенно будут приняты всеми и возобладают во всем мире... Еврейское верховенство, таким образом, будет уничтожено»⁵.

После освобождения из тюрьмы в 1928 году Хесс увлекся еще одной идеей, исповедуемой крайне правыми националистами. Эта идея, наравне с антисемитизмом, помогла им определить самую суть нацистского движения: это была любовь к земле. В то время как евреев ненавидели за то, что они в основном проживали в городах (их презирали, как выразился Геббельс, за их «асфальтовую культуру»), «истинные» немцы никогда не теряли тяги к природе. Не случайно сам Гиммлер изучал сельское хозяйство, а Освенцим, в его представлении, со временем должен был перевоплотиться в своего рода сельскохозяйственную научно-исследовательскую станцию.

Хесс вступил в Лигу артаманов³, одну из сельскохозяйственных общин, процветавших в то время в Германии, встретил там женщину, которая впоследствии стала его женой, и занялся фермерством. А затем наступил момент, который изменил всю его жизнь. В июне 1934 года рейсфюрер СС⁴ Гиммлер предложил ему оставить сельское хозяйство и вступить в элитное подразделение СС⁵ (*Schutzstaffel*). Это подразделение было создано первоначально в качестве личной охраны фюрера и, среди всего прочего, ведало концентрационными лагерями⁶. Гиммлер и раньше знал Хесса, и то, что он в нем видел, ему нравилось. Хесс был давним членом нацистской партии, еще с ноября 1922 года, номер его партийного билета – 3240.

У Хесса был выбор. Его никто не заставлял – вступать в СС никого не принуждали. Он сам выбрал свой путь. Вот как он объясняет это решение в своей автобиографии: «Имея в виду вероятность более быстрого продвижения по службе и соответствующего увеличения жалования, я был убежден, что мне необходимо предпринять этот шаг»⁷. На самом деле это только половина правды. Эти строки написаны уже после поражения нацизма, поэтому неудивительно, что Хесс умалчивает о том, что, по всей вероятности, было для него тогда решающим фактором, а именно – его душевное состояние на тот момент. В 1934 году Хесс как будто чувствовал, что стал свидетелем рождения нового и прекрасного мира – он просто был убежден, что этот новый мир будет прекрасен. Гитлер находился у власти всего год, но нацисты уже дали бой всем внутренним врагам Германии: левым политикам, «тунеядцам», антиобщественным элементам и евреям. По всей стране немцы, не входившие в вышеупомянутые «группы риска», приветствовали происходившие изменения.

Вот, к примеру, типичная для того времени реакция на те события Манфреда фон Шредера, сына банкира из Гамбурга, вступившего в нацистскую партию в 1933 году: «Все было снова в порядке, все чисто. В стране витало чувство национального освобождения, начала новой жизни... Люди говорили: “Ну да, это революция, это потрясающая, мирная революция, – и все-таки это революция”»⁸. У Хесса появился шанс стать участником этой революции – революции, о которой он молился с момента окончания Первой мировой войны. Вступление в ряды СС означало обретение определенного положения в обществе, привилегий, эмоциональный подъем и – главное! – возможности повлиять на курс новой Германии. Оставшись фермером, он так и остался бы не более чем фермером. Так стоит ли удивляться его выбору? Он принял предложение Гиммлера – и в ноябре 1934 года прибыл в Баварию, в Дахау, чтобы приступить к службе надзирателя в концентрационном лагере.

³ Лига артаманов – молодежная националистическая сельскохозяйственная организация, существовавшая в Германии с 1923 по 1934 годы, и объединившая приверженцев антиурбанистических идей – жить «на земле», близко связанная с нацистской партией, которая, в конце концов, ее и поглотила.

⁴ нем. *Reichsführer-SS*: «Имперский руководитель охранных отрядов»

⁵ нем. *SS*, сокр. от нем. *Schutzstaffel* – «охранные отряды», – военизированные формирования НСДАП

В настоящее время у многих, особенно в Великобритании и США, существует весьма туманное и путанное представление о том, каковы были функции различных лагерей в нацистском государстве. Концентрационные лагеря, такие как Дахау (созданный в марте 1933 года, всего через два месяца после того, как Адольф Гитлер стал канцлером Германии), существенно отличались от лагерей смерти – таких как Трешлинка, которые появились только к середине войны. История Освенцима, самого печально известного из них, ставшего *одновременно* и концентрационным лагерем, и лагерем смерти, только усугубляет путаницу в умах. Осознать различия между этими двумя видами очень важно, для того чтобы понять, как немцы в то время объясняли необходимость существования лагерей, подобных Дахау, на протяжении 1930-х годов. Ведь ни один из немцев, которых я снимал в своих фильмах – даже те, кто раньше были фанатичными нацистами – не признавался в том, что «приветствовал» существование лагерей смерти, но многие вполне одобряли существование концентрационных лагерей в 1930-е годы. Они только что пережили кошмар Великой депрессии и стали свидетелями того, как им казалось, что демократия не смогла предотвратить падение страны в пропасть. Призрак коммунизма все еще маячил на горизонте. Во время выборов в начале 30-х годов Германия, казалось, разделилась на крайне правых и крайне левых. За коммунистическую партию проголосовали очень многие. А другие – люди вроде Манфреда фон Шредера, который приветствовал «мирную революцию» нацистов в 1933 году, усматривали четкие исторические параллели, объяснявшие необходимость существования концентрационных лагерей: «Французским аристократам не очень приятно было томиться в Бастилии, не так ли?.. Да, тогда существовали концентрационные лагеря, но все говорили: “Так это англичане придумали их во время войны с бурами в Южной Африке”».

Первые заключенные, которые попали в Дахау в марте 1933 года, были в основном политическими оппонентами нацистов. Тогда, на заре нацистского режима, евреев поносили, унижали и избивали, но прямой угрозой считали скорее левых политиков предыдущего правительства⁹. Когда Хесс прибыл в Дахау, к месту своей службы, он был твердо убежден в том, что эти люди «настоящие враги государства и их нужно держать за решеткой»¹⁰. Последующие три с половиной года службы в Дахау сыграли определяющую роль в формировании его характера. Это произошло под влиянием тщательно продуманного режима, созданного в Дахау Теодором Эйке, первым комендантом лагеря. Режим был не просто жестоким; все было устроено так, чтобы сломить волю заключенных. Эйке возвел насилие и ненависть, которую нацисты испытывали к своим врагам, в определенную систему и порядок. Дахау печально известен физическим садизмом, царившим в лагере: порки и жестокие избиения были обычным делом. Заключенных могли убить, а смерть их списать на «убийство при попытке к бегству» – многие из тех, кто попал в Дахау, там и погибли. Но по-настоящему режим Дахау держался не столько на физическом насилии, каким бы ужасным, несомненно, оно ни было – сколько на моральном унижении.

Первым нововведением в Дахау было то, что, в отличие от обычной тюрьмы, заключенный не имел никакого представления о том, как долго он там пробудет. На протяжении почти всех 30-х годов большинство заключенных в Дахау освобождались примерно после года пребывания в лагере, но каждый индивидуальный срок мог быть дольше или короче в зависимости от прихоти власти. Узник не знал сколько ему пребывать в заключении. Не знаешь – может, тебя освободят завтра, может, через месяц – или через год. Хесс, который сам провел несколько лет в тюрьме, хорошо понимал страшную силу такой политики: «Неопределенность срока заключения была именно тем фактором, с которым многие заключенные не могли смириться, – писал он. – Именно это подтачивало и могло сломить волю даже самых стойких... Уже из-за одного этого жизнь в лагере превращалась в пытку»¹¹.

Моральным издевательствам, к которым прибегали охранники, чтобы подавить дух заключенных, не было предела... Йозеф Фельдер, член Рейхстага от Социал-демократической партии, один из первых узников Дахау, вспоминает, как однажды, когда он был особенно подавлен, надзиратель взял веревку и стал ему показывать, как надо завязывать петлю, чтобы повеситься¹². Только огромным усилием воли, мысленно повторяя себе: «У тебя есть семья!», – он удержался от страшного шага. От заключенных требовали содержать бараки и одежду в идеальном порядке. Постоянные проверки давали надзирателям СС возможность каждый раз находить повод к чему-нибудь придрататься; при желании они могли наказать весь барак за выдуманное нарушение. Любого из заключенных могли поместить в карцер и заставить несколько дней лежать на койке молча, без единого движения.

Именно в Дахау была введена система «капо», которая впоследствии была принята во всех концентрационных лагерях и сыграла очень важную роль в управлении Освенцимом. (Термин «капо», по-видимому, произошел от итальянского *capo* – «начальник».) В каждом блоке или рабочей «команде» лагерное начальство назначало на эту должность одного из заключенных – и он приобретал огромную власть над другими заключенными. Неудивительно, что этой властью часто злоупотребляли. Находясь в непосредственном контакте с другими заключенными, эти капо, даже в некоторой степени больше, чем охранники, способны были своим деспотизмом превращать жизнь в лагере в кромешный ад. Однако сами капо тоже сильно рисковали – в случае, если вызовут недовольство своих хозяев из СС. Как сказал Гиммлер: «Его (капо) задача – следить, чтобы работа была выполнена... Для этого он должен заставить своих людей работать. Как только он перестает нас устраивать, он перестает быть капо и становится обычным заключенным, а соответственно – возвращается к другим узникам. И он прекрасно знает, что в первую же ночь они забьют его до смерти»¹³.

С точки зрения нацистов жизнь в концлагере была уменьшенной копией внешнего мира. «Идея борьбы стара как сама жизнь, – сказал Гитлер в своей речи еще в 1928 году. – В этой борьбе побеждает более сильный и более способный, в то время как менее способный и более слабый – проигрывает. Борьба – мать всех свершений... Человек живет и сохраняет свое превосходство над миром животных не по принципам гуманизма, а только посредством самой жестокой борьбы»¹⁴. Этот псевдо-дарвинистский подход, в котором вся суть нацизма, был положен в основу управления концентрационными лагерями. Капо, к примеру, могли «с полным правом» издеваться над теми, кому довелось попасть им в подчинение, поскольку они доказали, что более сильны в жизненной «борьбе».

Еще в Дахау, в первую очередь и лучше всего остального, Хесс постиг сущность стратегии СС. Теодор Эйке с самого начала проповедовал лишь одну доктрину – беспощадность: «Каждый, у кого возникнет даже самое малое проявление сострадания по отношению к ним (заключенным), должен немедленно покинуть наши ряды. Мне нужны только твердые как скала, абсолютно преданные члены СС. В наших рядах нет места мягкотелым»¹⁵. Так что любая форма сострадания или жалости признавалась проявлением слабости. Если эсэсовец ощущал, что им начинают овладевать такие чувства, это было знаком: враг сумел его одурачить. Нацистская пропаганда учила, что враг может затаиться в самых неожиданных местах. К примеру, одним из самых распространенных шедевров антисемитской пропаганды, рассчитанной на детей, была книга «Ядовитый гриб». В ней предупреждалось об опасности, которую представляют собой коварные евреи: они, как грибы, могут с виду быть привлекательны, а на самом деле ядовиты. Так эсэсовцев приучали подавлять в себе любые проявления человечности, которые могли, к примеру, возникнуть, если им случалось присутствовать при жестоком избии заключенного. Их учили, что любое, шевельнувшееся где-то в глубине души, чувство сострадания вызвано исключительно хитрыми уловками их жертв. Будучи «врагами государства», эти коварные существа, какими их представляла нацистская пропаганда, использовали любой

возможный способ, чтобы достичь своих подлых целей, и прежде всего – мольбу о сострадании, обращенную к тем, кто держит их в заточении. Память о «ноже в спину» (миф о том, что евреи и коммунисты якобы устроили заговор за спиной народа с целью поражения Германии в Первой мировой войне) была еще совсем свежа и идеально подходила для создания образа затаившегося опасного врага.

Единственным непреложным законом для членов СС была непоколебимая вера в неоспоримость приказа. Если старший по званию приказал арестовать или расстрелять кого-либо, приказ должен быть выполнен – даже если для того, кто его получил, суть этого решения непостижима: все рано приказ есть приказ, и он непререкаем. Единственной защитой против «червя сомнения» в таких случаях была твердость – непоколебимая твердость. Потому она и стала культом в войсках СС. «Мы должны быть тверды как гранит, иначе дело нашего фюрера погибнет»¹⁶, – сказал Рейнхард Гейдрих, второй после Гимmlера человек в СС.

Учась подавлять в себе такие недостойные члена СС чувства, как жалость и сострадание, Хесс преисполнился чувства корпоративной солидарности, «чести мундира», которое было очень сильно в рядах СС. Именно потому, что каждый ээсовец знал, что он будет призван совершать такие дела, на которые более «слабые» просто не способны, в СС развивался сильный *esprit de corps* (кастовый дух), где преданность товарищам по организации стала оплотом системы. Проповедуемые членами СС ценности – беспрекословная верность, твердость, защита рейха от внутренних врагов – стали своего рода религией, которую легко усваивали все члены СС. «Я был так благодарен СС за интеллектуальное руководство, которое оно осуществляло» – сказал Йоханнес Хассеброк, комендант другого концлагеря. – Мы все были благодарны. До вступления в организацию мы были настолько растеряны – мы просто не понимали, что происходит вокруг – все было так запутанно! СС предложило нам ряд простых идей, которые были нам понятны, и мы в них поверили»¹⁷.

В Дахау Хесс усвоил еще один важный урок, который очень пригодится ему потом в Освенциме. Он заметил, что заключенные легче переносят неволю, когда СС дает им возможность работать. Хесс помнил собственное пребывание в лейпцигской тюрьме – там он только благодаря работе (в тюрьме они клеили бумажные пакеты) был в состоянии встречать каждый новый день в более-менее сносном расположении духа. Теперь он видел, что в Дахау труд играет аналогичную роль и он давал заключенным возможность «дисциплинировать себя и таким образом противостоять деморализующему влиянию заключения»¹⁸. Хесс был настолько убежден в благотворном эффекте труда в концентрационном лагере, что даже перенес в Освенцим лозунг, ранее использованный в Дахау – *Arbeit macht frei* («Труд делает свободным») – и приказал выбить его на металлических воротах при входе в Освенцим.

Хесс был образцовым членом СС и успешно продвигался по служебной лестнице в Дахау, пока в апреле 1936 года не стал рапортфюрером, первым заместителем коменданта лагеря. Затем, в сентябре 1936 года, он получил звание лейтенанта, и был переведен в концентрационный лагерь Заксенхаузен, где служил начальником лагерной охраны вплоть до назначения на должность коменданта нового концлагеря в Освенциме.

Вот каким был этот человек, прибывший весной 1940 года в этот край юго-западной Польши. Конечно, он многое «получил в наследство», но в то же время его как личность сформировала история того времени и шесть лет службы лагерным охранником. Теперь он был готов взяться за поставленную перед ним большую задачу: создать образцовый концентрационный лагерь в новой нацистской империи. Он был уверен, что знает, чего от него ожидают, и четко представлял, что и для чего он должен построить. Опыт работы в Дахау и Заксенхаузене предлагал хороший для этого пример! Однако его руководство имело на этот счет другие планы – и на протяжении последующих месяцев и лет лагерю, который Хесс должен был создать в Освенциме, предстояло развиваться совсем по-другому. В то время, как Хесс при-

ступал к работе в Освенциме, в 400 километрах на северо-запад его шеф был занят весьма необычным делом – составлял меморандум для фюрера. Генрих Гиммлер в Берлине создавал документ с осторожным названием «Некоторые рассуждения об обращении с местным населением на Востоке». Гиммлер, один из самых ловких политиканов нацистского государства, знал, что очень часто не следует доверять свои мысли бумаге – это рискованно и неблагоприятно. Нацистская политика в том или ином вопросе на самом высшем уровне часто формулировалась устно. Гиммлер хорошо понимал, что как только его мысли попадут на бумагу, враги тут же разберут их по косточкам. Как у многих высокопоставленных нацистов, у него было много врагов, которые все время искали возможность урвать хоть часть его власти. И все же ситуация в Польше, оккупированной немцами с осени 1939 года, была такова, что было ясно: нужно сделать исключение из правила и составить для Гитлера именно письменный документ. Документ, который он, в конце концов, составил – один из самых важных в истории нацистской расовой политики: слова Гиммлера, начертанные на бумаге, во многом определили контекст, в котором должен был функционировать новый лагерь в Освенциме.

На тот момент, занимая должность рейхскомиссара по укреплению немецкой государственности, Гиммлер участвовал в самой большой и самой быстрой этнической реорганизации, какую только когда-либо видела какая-нибудь страна, но весь этот процесс шел из рук вон плохо. Вместо того чтобы навести порядок в Польше, которую нацисты презирали за ее «вечный бардак», Гиммлер и его коллеги принесли туда только насилие и хаос.

В отношении к полякам у нацистов не было разногласий. Они их презирали. Вопрос был в другом – что с ними делать. Одной из главных «проблем», которую нацистам предстояло решить, была проблема польских евреев. В отличие от Германии, где евреи составляли меньше 1 процента населения (около 300 000 человек в 1940 году) и где большинство из них были ассимилированы, в Польше было 3 миллиона евреев, большинство из которых жили общинами; их часто можно было легко узнать по бороде и по другим «признакам их веры». После того, как Польша была разделена между Германией и Советским Союзом, сразу после начала войны (по условиям секретной части германо-советского пакта о ненападении, подписанного в августе 1939 года) более двух миллионов польских евреев оказались в немецкой зоне оккупации. Какова будет их судьба?

Еще одной проблемой для нацистов, которую они сами же и создали, стал поиск жилья для сотен тысяч этнических немцев, которые в то время переселялись в Польшу. По договору между Германией и Советским Союзом, этническим немцам из стран Балтии, из Бессарабии и других регионов, незадолго до того оккупированных Сталиным, было разрешено эмигрировать в Германию – «вернуться домой, в рейх», как гласил лозунг того времени. Одержимые представлениями о расовой чистоте «немецкой крови», такие люди как Гиммлер, считали своим долгом дать возможность всем немцам вернуться на родину. Но возникала одна сложность: куда, собственно, им возвращаться? Вдобавок к этим проблемам существовала третья, самая большая проблема, которую нацистам также надо было решать. Что делать с 18 миллионами поляков, находящимися теперь под властью Германии? Они ведь не евреи, – как к ним следует относиться? Каким образом должна быть организована страна, чтобы они больше никогда не представляли никакой угрозы?

В октябре 1939 года Гитлер произнес речь, в которой содержались некоторые руководящие принципы для тех, кто занимался этой проблемой. В ней фюрер дал понять, что «главной задачей является создание нового этнического порядка, другими словами, переселение народов должно быть организовано таким образом, чтобы по окончании этого процесса была произведена более правильная демаркация границ, нежели те, что существуют сегодня»¹⁹. На практике это означало, что оккупированная немцами Польша должна была быть разделена: одной ее части предстояло стать местом проживания большинства поляков, а другую следует присоединить к Германии. И тогда въезжающих в страну этнических немцев будут селить не

в «Старом Рейхе», а вот в этом «Новом Рейхе»; они действительно будут «возвращаться к себе на родину, в рейх» – но только не в тот, в который они ожидали попасть.

Оставался вопрос польских евреев. До начала войны нацистская политика по отношению к евреям, проживающим на территориях под их контролем, заключалась в постепенно усилившемся официальном преследовании. Множились бесчисленные запретительные правила и законы, время от времени имели место неофициальные (и тем не менее, санкционированные) вспышки насилия. Отношение Гитлера к евреям не особенно изменилось с того времени, как в середине 20-х годов в книге *Mein Kampf* он заявил, что во время Первой мировой войны Германии стоило испробовать «ядовитый газ» на «десяти-двенадцати тысячах этих иудейских губителей нации». Но хотя Гитлер явно ненавидел евреев и демонстрировал это с момента окончания Первой мировой войны, а в частных беседах высказывал желание увидеть их всех в гробу, никакого нацистского плана по их уничтожению на тот момент еще не существовало.

Люсиль Айхенгрин²⁰ выросла в еврейской семье, жившей в Гамбурге, и очень хорошо помнит условия, в которых немецкие евреи были вынуждены жить в тридцатые годы. «До 1933 года наша жизнь была прекрасна, – говорит она. – Но как только Гитлер пришел к власти, соседские дети перестали с нами разговаривать, они швыряли в нас камнями и всячески обзывали нас. Мы не могли понять, чем это заслужили. В голове все время сидел вопрос: за что, почему? Когда мы задавали его дома, ответ всегда был один: “Это пройдет. Все нормализуется”». В один прекрасный день, в середине 30-х, Айхенгринов поставили в известность, что в их доме евреям проживать запрещено. Им было предписано переселиться в так называемые «еврейские дома», частично принадлежавшие евреям. Новая квартира была почти такой же по размеру, как и предыдущая, но на протяжении последующих лет они были вынуждены переезжать во все меньшие и меньшие квартиры, пока не очутились всей семьей в однокомнатной «меблирашке». Кажется, мы все тогда смирились с этим, – говорит Люсиль. – Таков был тогда закон, таковы были правила, и вы ничего не могли с этим поделать».

Иллюзия, что антисемитская политика нацистов когда-нибудь «нормализуется», была разрушена в Хрустальную ночь, 9 ноября 1938 года. Нацистские штурмовики громили еврейские дома и устраивали облавы на тысячи евреев в отместку за то, что еврейский студент по имени Гершель Гриншпан убил в Париже немецкого дипломата Эрнста фон Рата. «В тот день по дороге в школу мы увидели горящие синагоги, – рассказывает Люсиль Айхенгрин, – разбитые витрины еврейских магазинов, разбросанные по улицам товары, и повсюду – смеющиеся лица немцев... Мы были так напуганы! Думали, что они вот-вот нас схватят, и просто не знаю, что с нами сделают».

К началу войны в 1939 году евреи уже не имели права на немецкое гражданство, на браки с неевреями, не имели права заниматься коммерцией и определенными профессиями; им даже не разрешалось иметь водительские права. Узаконенная дискриминация, а затем ужасающая вспышка насилия в так называемую Хрустальную ночь, когда было сожжено более 1000 синагог, убито 400 евреев и около 30 000 были заключены на многие месяцы в концлагеря, привели к тому, что множество немецких евреев эмигрировали из страны. К 1939 году территории нового «Великого германского рейха» (Германия, Австрия и немецкие этнические земли в Чехии) покинуло около 450 000 евреев – то есть более половины, проживавших на этих территориях. Нацисты были довольны. Особенно после того, как был претворен в жизнь новаторский подход, разработанный эсэсовским «экспертом» по еврейскому вопросу Адольфом Эйхманом: в 1938 году, после аншлюса (аннексии) Австрии, он разработал систему, согласно которой у евреев отбирали почти все их средства перед тем, как позволить им покинуть страну.

Однако вначале нацисты не представляли, как перенести решение еврейского вопроса, найденное для Германии, на Польшу. В отличие от нескольких сот тысяч немецких евреев речь теперь шла о миллионах евреев, оказавшихся под властью нацистов. Большинство из них были крайне бедны, да и куда можно было заставить их эмигрировать в самый разгар войны?

Осенью 1939 года Адольф Эйхман нашел выход: нужно заставить евреев эмигрировать не в другие страны, а в наименее приспособленную для жизни часть новой нацистской империи. Более того, он даже решил, что нашел идеальное место – окрестности города Ниско в Люблинском воеводстве Польши. Этот отдаленный район на самом востоке нацистских земель казался ему идеальным местом для «еврейской резервации». Таким образом, оккупированная немцами Польша будет разделена на три части: часть, заселенная немцами, часть польская и часть еврейская. Все три были аккуратно расположены на одной географической оси, тянувшейся с запада на восток. Амбициозный план Эйхмана был принят, и тысячи австрийских евреев начали принудительно переправлять в отведенный им регион. Условия были кошмарными. Никакой подготовки к прибытию тысяч людей не было проведено, в результате многие в процессе переселения умерли. Нацистов это мало волновало: такой поворот событий можно было только приветствовать. Как сказал своим подчиненным в ноябре 1939 года Ганс Франк, один из самых высокопоставленных нацистов в Польше: «Не тратьте времени на евреев. Приятно, в конце концов, иметь возможность расправиться с еврейской расой. Чем больше их умрет, тем лучше»²¹.

Однако, когда в мае 1940 года Гиммлер писал свой меморандум, он уже прекрасно понимал, что внутренняя эмиграция евреев на восток Польши с треском провалилась. В значительной мере это произошло из-за того, что нацисты пытались провести все три отдельных, разных по характеру, переселения одновременно. Въезжающих этнических немцев нужно было доставить в Польшу и найти им жилье. Это означало, что нужно было выбросить поляков из их домов и отправить куда-нибудь еще. В то же самое время евреев везли на восток и вселяли в дома, которые опять же отбирали у поляков. Неудивительно, что все это привело к безумному хаосу и неразберихе.

К весне 1940 года от плана Эйхмана по переселению евреев в Ниско отказались, а Польшу в конце концов просто разделили на две части. Появились районы, которые официально стали «немецкими» и вошли в «Новый Рейх» как новые имперские округа – рейхсгау – рейхсгау Западной Пруссия – Данциг (Гданьск); рейхсгау Вартеланд (известного также как Вартегау) на западе Польши в районе Позена (Познани) и Лодзи; и Верхняя Силезия в районе Катовиц (именно этот район включал в себя Освенцим). Кроме того, на самой большей части бывшей польской территории было создано образование под названием Генерал-губернаторство, которое включало в себя города Варшаву, Краков и Люблин и предназначалось для проживания большинства поляков.

Самой неотложной проблемой для Гиммлера стало предоставление подходящего жилья для сотен тысяч прибывающих этнических немцев – что в свою очередь повлияло на то, как, с его точки зрения, должны были обращаться с поляками и евреями. История Ирмы Айги²² и ее семьи – яркое свидетельство того, насколько жестоки были нацисты, пытаясь решить практически нерешаемую проблему, которую сами создали, и того, как трудности переселения вызывали новые трудности, которые, в конце концов, окончательно вышли из-под контроля и привели к полной катастрофе. В декабре 1939 года Ирма Айги, семнадцатилетняя этническая немка из Эстонии, очутилась вместе со всей своей семьей во временном жилище в городе Позен, который до войны был частью Польши, а теперь стал частью Германии, получившей название Вартегау. Приняв предложение о беспрепятственном проезде «в рейх», они думали, что их отправят в Германию: «Когда же нам сказали, что мы едем в Вартегау, должна вам сказать, мы были в состоянии полного шока». Как раз перед Рождеством 1939 года нацистский чиновник, отвечавший за расселение, дал ее отцу ключи от квартиры, в которой несколькими часами ранее еще жила какая-то польская семья. А через несколько дней после этого у другой польской семьи отобрали ресторан и передали его семье Ирмы, чтобы у них был свой бизнес. Семья Айги была повергнута в ужас: «Мы не имели не малейшего понятия о том, что произо-

шло... Жить с таким чувством вины невозможно. Но с другой стороны, каждый человек обладает инстинктом самосохранения. Что мы могли сделать? Куда еще нам было идти?»

Этот отдельный случай экспроприации нужно умножить на 100 000 других подобных случаев, чтобы получить представление о том, что тогда творилось в Польше. Масштаб этой гигантской операции по переселению был огромен – на протяжении полутора лет около полумиллиона этнических немцев были расселены в новой части рейха, в то время как сотни тысяч поляков были выселены оттуда, чтобы освободить место для прибывших немцев. Многих поляков просто затолкали в товарные вагоны и отвезли на юг, в Генерал-губернаторство, где их просто выбросили из вагонов, оставив без еды и без кровли над головой. Неудивительно, что в январе 1940 года Геббельс написал в своем дневнике: «Гиммлер сейчас занимается перемещением населения. Не всегда успешно»²³.

При всем этом оставался еще вопрос польских евреев. Придя к пониманию того, что перемещать евреев, поляков и этнических немцев одновременно абсолютно нереально, Гиммлер принял другое решение: если этническим немцам необходимо жизненное пространство, что было очевидно, то нужно забрать его у евреев и заставить их жить на гораздо меньшей площади, нежели до того. Решением этой проблемы стало создание гетто.

Гетто, ставшие такой страшной приметой нацистского преследования евреев в Польше, изначально не создавались для тех ужасных условий, которые там, в конечном счете, воцарились. Как и многое другое в истории Освенцима и нацистского «окончательного решения еврейского вопроса», те фатальные изменения, которые произошли в гетто за время их существования, поначалу не входили в планы нацистов. Еще в ноябре 1938 года, в процессе обсуждения того, как решить жилищные проблемы, вызванные выселением немецких евреев из их домов, Рейнхард Гейдрих, видный деятель СС, сказал: «Что касается вопроса создания гетто, то я хотел бы сразу четко изложить свою позицию по этому вопросу. С точки зрения полиции я считаю, что не целесообразно создавать гетто в виде полностью сегрегированного района, в котором будут проживать только евреи. Мы не сможем контролировать такие гетто, где евреи смогут создавать какие-то группировки среди своих, – они превратятся в убежища для преступников, очаги эпидемий и тому подобного»²⁴.

Однако при существующем положении дел нацисты не видели иного выхода, кроме как загнать всех польских евреев в гетто. Это было не только практической мерой, призванной освободить больше жилья (хотя в марте 1940 года Гитлер и заявил, что «решение еврейского вопроса – это вопрос жизненного пространства»)²⁵; это было решение, продиктованное животной ненавистью и страхом перед евреями – чувствами, которыми нацизм был пропитан насквозь. Нацисты считали, что в идеале евреев надо просто заставить «убраться подальше», но так как на тот момент это было невозможно, то их необходимо было изолировать от всех остальных: поскольку, как считали нацисты, евреи, особенно восточноевропейские, были носителями всяческих болезней. Сильнейшее физическое отвращение нацистов к польским евреям Эстер Френкель²⁶, еврейская девочка-подросток из Лодзи, ощутила с самого начала: «Мы призывали к антисемитизму..., но польский антисемитизм был больше, скажем так, финансовым. Антисемитизм же нацистов был другим: “Почему вы вообще существуете? Вас вообще не должно быть! Вы должны вообще исчезнуть!”»

В феврале 1940 года, в то время как депортация поляков в Генерал-губернаторство шла полным ходом, было объявлено, что все евреи Лодзи должны «переместиться» в район города, отведенный под гетто. Вначале такие гетто планировались лишь как временная мера, место для заключения евреев перед тем, как депортировать их куда-нибудь. В апреле 1940 года Лодзинское гетто было взято под охрану и евреям было запрещено покидать его территорию без разрешения немецких властей. В том же месяце главное управление имперской безопасности объявило о прекращении депортации евреев в Генерал-губернаторство. Ганс Франк, в прошлом

личный адвокат Гитлера, а теперь руководитель Генерал-губернаторства, уже на протяжении многих месяцев активно выступал за прекращение всех видов «незаконной» принудительной эмиграции, поскольку ситуация полностью вышла из-под контроля. Как несколько позже свидетельствовал доктор Фритц Арлт²⁷, глава отдела по вопросам населения в Генерал-губернаторстве: «Людей выбрасывали из поездов на рынке, на вокзале или еще где-нибудь, и никому не было до них никакого дела... Нам позвонил руководитель одного из районов: “Я не знаю, что мне делать. Снова прибыло столько-то и столько-то сотен людей. У меня нет для них ни крова, ни еды. У меня нет вообще ничего”». Франк, недруг Гиммлера, пожаловался Герману Герингу (который интересовался Польшей, так как был ответственным за выполнение четырехлетнего экономического плана) на политику депортаций и на то, что Генерал-губернаторство превратили в «расовую свалку». В результате между Гиммлером и Франком было заключено довольно неустойчивое перемирие, при котором они «будут вместе договариваться о процедурах будущей эвакуации».

Все эти проблемы Гиммлер и попытался передать в своем меморандуме в мае 1940 года. Пытаясь найти решение в сложившейся ситуации, он намеревался усилить разделение Польши на немецкую и не немецкую части и четко определиться, как следует обращаться с поляками и евреями. Излагая свою расовую программу, Гиммлер писал, что хотел бы превратить поляков в нацию необразованных рабов, и что Генерал-губернаторство должно стать домом для «рабочего класса, лишённого каких-либо лидеров»²⁸. «Немецкое население восточных территорий не должно получать образования выше начальной школы, – писал Гиммлер. – Целью такой начальной школы будет: научить их считать максимум до 500, написать свое имя и понимать, что это Божья заповедь – повиноваться немцам, быть честными, трудолюбивыми и хорошо себя вести. Обучение чтению считаю излишним».

Вместе с этой политикой превращения поляков в безграмотных рабов начались активные попытки «разобраться, у кого благородная арийская кровь, а у кого никчемная, неарийская». Польские дети в возрасте от шести до десяти лет подвергались медицинскому осмотру – и тех, кого по результату осмотра считали расово достойными, просто забирали у родителей и отправляли на воспитание в Германию. Больше они никогда не видели своих биологических родителей. Нацистская политика кражи детей в Польше не так широко известна, как уничтожение евреев. Однако она была частью той же системы мышления. Она показывает, насколько серьезно такие люди как Гиммлер верили в то, что ценность человека определяется его расовым происхождением. То, что маленьких поляков забирали у родителей, не было для Гиммлера чем-то из ряда вон выходящим, как это может показаться в наше время – нет, это было существенной частью его извращенного мировоззрения. С его точки зрения, если бы этих детей оставили в Польше, то поляки «смогли бы обрести класс лидеров из таких вот людей, обладающих хорошей кровью».

Знаменательно, что Гиммлер писал об этих детях: «Каким бы жестоким и трагичным ни был каждый индивидуальный случай, но если отвергнуть большевистский метод физического уничтожения какого-то народа как невозможный и принципиально не-немецкий, то наш метод является самым лучшим и самым мягким». Хотя Гиммлер пишет это в прямой связи с изъятием польских детей, ясно, что, поскольку он заявляет, что «физическое уничтожение какого-то народа» является «принципиально не-немецким», очевидно, что так он распространяет это предостережение и на другие «народы» – включая, конечно, евреев. Подтверждение такой интерпретации слов Гиммлера можно увидеть в заявлении, сделанном Гейдрихом летом 1940 года, уже непосредственно в контексте еврейского вопроса: «Биологическое уничтожение людей недостойно немецкого народа, как народа цивилизованного»²⁹.

В своем обширном меморандуме Гиммлер также объявил, какой бы он хотел видеть судьбу евреев: «Я надеюсь, что сам термин «еврей» вскоре полностью исчезнет благодаря

широкомасштабной эмиграции всех евреев в Африку или какую-нибудь другую колонию». Этот возврат к утвержденной ранее политике эмиграции стал вновь возможен благодаря тому, что война принимала более широкие масштабы. Гиммлер рассчитывал на скорый разгром Франции и последующую капитуляцию Великобритании, которая естественно скоро запросила бы сепаратного мира. После окончания войны польских евреев можно было бы затолкать на пароходы и отправить в какую-нибудь бывшую французскую колонию.

Какой бы утопической сегодня ни казалась идея отправки миллионов людей в Африку, нет никакого сомнения, что тогда нацисты воспринимали ее абсолютно серьезно. Радикальные антисемиты давно уже, на протяжении многих лет, предлагали отправить всех евреев в Африку, а теперь ход войны, казалось, давал возможность нацистам претворить такое решение еврейского «вопроса» в жизнь. Через шесть недель после выхода меморандума Гиммлера сотрудник министерства иностранных дел Франц Радемахер составил документ, в котором был объявлен предполагаемый конечный пункт для евреев в Африке – остров Мадагаскар³⁰. Важно, однако, понимать, что этот план, подобно многим другим вариантам решения «еврейского вопроса», разработанным во время войны, для евреев означал бы массовую гибель и страдания. Нацистский губернатор Мадагаскара скорее всего возглавил бы процесс постепенного уничтожения евреев на протяжении одного или двух поколений. Нацистского «окончательного решения» в том виде, как мы его знаем, наверное, не произошло бы, но геноцид в том или ином виде был почти неизбежен.

Гиммлер передал свой меморандум Гитлеру, тот прочел его и нашел документ «*gut und richtig*» (хорошим и правильным). Письменного ответа на него Гитлер не дал – он никогда не накладывал письменных резолюций ни на какие документы. Но Гиммлеру было достаточно устного одобрения фюрера. Так обычно и принимались политические решения в нацистском государстве.

Рудольф Хесс и его концентрационный лагерь Освенцим, который все еще находился в зародышевом состоянии, были лишь малой частью общего плана. Освенцим располагался в той части Польши, которую надлежало «германизировать», и поэтому ближайшее будущее лагеря во многом определялось именно этим фактором. В былые времена регион под названием Верхняя Силезия несколько раз переходил то к немцам, то к полякам. Непосредственно перед началом Первой мировой войны он был частью Германии, однако по Версальскому договору Германия потеряла его. Теперь же нацисты намеревались вернуть его рейху. Но в отличие от других районов, которые должны были быть «германизированы», Верхняя Силезия была регионом индустриально развитым, и большая часть его абсолютно не подходила для заселения прибывающими этническими немцами. Это означало, что большинство местных поляков должны были остаться здесь в качестве бесплатной рабочей силы, то есть попросту рабов. Это, в свою очередь, означало, что концентрационный лагерь в этом регионе был крайне необходим, чтобы усмирять местное население. Изначально Освенцим был задуман как транзитный концентрационный лагерь – на нацистском жаргоне «карантинный», – в котором должны были содержаться заключенные перед отправлением в другие лагеря рейха. Но уже через несколько дней после создания лагеря стало ясно, что он будет функционировать самостоятельно, как место постоянного заключения.

Хесс понимал, что война все радикально изменила, включая и концентрационные лагеря. Этот новый лагерь, хотя и был создан по образцу Дахау, должен был иметь дело с гораздо более сложной проблемой, нежели лагерь «Старого Рейха». Дело в том, что лагерь в Освенциме был предназначен для содержания под стражей и запугивания поляков в то время, когда всю страну этнически переустраивали, а поляков как нацию интеллектуально и политически уничтожали. Таким образом, даже в его первом воплощении в качестве концентрационного лагеря, Освенцим имел значительно более высокий уровень смертности, нежели любой «обычный» лагерь в

рейхе. Из 20 000 поляков, которые первоначально прибыли в лагерь, к началу 1942 года более половины уже погибли.

Первыми заключенными, прибывшими в Освенцим в июне 1940 года, были, однако, не поляки, а немцы – 30 уголовников, переведенных сюда из концентрационного лагеря Заксенхаузен. Им надлежало стать первыми капо – заключенными, которые будут действовать в качестве агентов контроля СС над польскими заключенными. Сам вид этих капо произвел сильнейшее впечатление на поляков, прибывших в Освенцим первым эшелонном. «Мы подумали, что это матросы, – рассказывает Роман Трояновский³¹, который попал в Освенцим девятнадцатилетним юношей летом 1940 года. – Они носили береты, как у матросов. А затем оказалось, что все они были преступниками. Настоящие уголовники». «Когда мы прибыли, эти немецкие капо набросились на нас, орала и били нас короткими дубинками, – рассказывает Вильгельм Брассе³², прибывший в Освенцим примерно в то же время. – Когда кто-нибудь из новоприбывших заключенных не так быстро, как им бы хотелось, слезал из вагона для скота, в котором он прибыл в лагерь, капо набрасывались на него и жестоко избивали, а в некоторых случаях убивали на месте. Я ужаснулся. Все мы были охвачены ужасом».

Первые польские заключенные Освенцима попали в лагерь по разным причинам: по подозрению в работе на польское подполье, или же в том, что они были членами одной из социальных групп, особенно преследуемых нацистами (как, например, священники и интеллигенция) – или просто потому, что не понравились какому-нибудь немцу. Доказательством этому может служить тот факт, что многие из первой группы польских заключенных, переведенных в лагерь 14 июня 1940 года из Тарновской тюрьмы, были студентами университета.

Самая первая задача для всех новоприбывших заключенных было проста: они должны были сами себе построить лагерь. «Мы пользовались самыми примитивными инструментами, – вспоминает Вильгельм Брассе. – Заключенным приходилось носить камни. Это была крайне тяжелая работа. И нас били». Для завершения стройки не хватало строительных материалов, поэтому было найдено типично нацистское решение – воровство. «Я работал на разборке домов, в которых раньше жили польские семьи, – продолжает Брассе. – У нас был приказ собирать все строительные материалы, какие только можно было найти: кирпичи, доски, любую древесину. Мы были поражены: с одной стороны немцы хотели построить лагерь как можно быстрее, а с другой – у них не было необходимых стройматериалов».

В лагере довольно быстро развилась настоящая культура воровства, причем воровали не только у местного населения, но и внутри самого лагеря. «Немецкие капо посылали нас, заключенных, с приказом: “Идите и украдите цемент у другой рабочей команды. Нам наплевать на тех парней”, – рассказывает Брассе. – Именно это мы и делали. Доски и цемент крали у другой команды. На лагерном жаргоне это называлось “организовать”. Но нужно было быть очень осторожным, чтобы тебя не поймали». Эта культура «организации» всего на свете не была исключительной прерогативой заключенных. В те первые дни существования лагеря и сам Хесс тоже воровал все, что ему было нужно: «Поскольку я не мог ожидать помощи от инспекции по делам концентрационных лагерей, я вынужден был разбираться со всем сам, на месте. Мне приходилось воровать легковые автомобили и грузовики, а еще бензин для них. Я ездил за целую сотню километров в Закопане и Рабку только для того, чтобы достать несколько котлов для лагерной кухни, мне пришлось ехать аж в Судетскую область за кроватями и соломенными матрацами... Каждый раз, когда я наталкивался на склад необходимых мне материалов, я просто забирал их, не заботясь о формальностях... Я даже не знал, где можно получить сто метров колючей проволоки. Я просто ее крал, так как она мне была нужна позарез»³³.

В то время как Хесс занимался «организацией» всего, что считал необходимым для превращения Освенцима в «полезный» лагерь, за только что украденной колючей проволокой большинству польских заключенных очень скоро стало ясно, что их шансы выжить в лагере

в основном зависят от одного фактора – на какого капо они будут работать. «Я быстро сообразил, что в “хорошей” рабочей команде лица у заключенных покруглее, – рассказывал Вильгельм Брассе. – Они и вели себя не так, как те, кто занимался тяжелым трудом: те выглядели изможденными, просто скелеты в лагерной форме. Сразу становилось понятно, что жизнь с этим капо лучше, так как его подчиненные выглядели лучше».

Роман Трояновский попал под команду одного из самых жестоких капо: за мелкий проступок тот однажды ударил его по лицу, а затем заставил два часа сидеть на корточках, держа в руках перед собой стул. Он чувствовал, что каторжная жизнь в этой рабочей команде его доконает. «У меня больше не было сил бегать целый день с тачкой, – говорил он. – После часа такой работы тачка просто падает из рук. Ты уже валишься на нее и калечишь себе ноги. Надо было спасать свою шкуру». Как и многие другие заключенные Освенцима до и после него, Роман Трояновский знал, что если он не найдет способа выбраться из своей команды, он погибнет.

Однажды утром во время переключки было объявлено о том, что нужны опытные плотники. Трояновский тут же сделал шаг вперед и, хотя никогда в жизни не держал в руках рубанка, заявил, что «у него семь лет опыта работы плотником». Но его план обернулся против него самого: как только он начал работать в мастерской, стало очевидно, что он не годится для этой работы. «Капо вызвал меня и отвел в свою комнату, где взял огромную палку. Когда я увидел эту палку, мне стало дурно. Он сказал, что за то, что я испортил материал, я получу двадцать пять ударов. Приказал наклониться и начал меня бить. Он делал это очень медленно, так чтобы я мог прочувствовать каждый удар. Он был здоровым парнем. У него была тяжелая рука, да и палка была тяжелой. Мне хотелось орать, но я закусил губу и не издал ни единого звука. Это меня и спасло, так как на пятнадцатом ударе он остановился. «Ты хорошо держись, – сказал он, – поэтому я прощу тебе последние десять ударов». Из двадцати пяти ударов я получил только пятнадцать, но этих пятнадцати мне вполне хватило. Мой зад целых две недели был всех цветов радуги, от черного до желто-фиолетового, и я еще долго не мог присесть», – рассказывает он.

Вышвырнутый из столярной мастерской, Трояновский все равно старался попасть на работу в помещении. «Это имело решающее значение, – говорит он. – Чтобы выжить, надо было иметь крышу над головой». Он поговорил с другом, который знал одного относительно мягкого капо по имени Отто Кюссель. Вместе они подошли к Кюсселю, Трояновский слегка преувеличил свое знание немецкого языка – это дало ему возможность получить работу на кухне, где готовили еду для немцев. «Вот так я спас свою жизнь», – подытожил он.

В этой борьбе за выживание в лагере с самого первого момента прибытия в Освенцим сразу выделяли две группы людей, которых ожидало особенно садистское обращение. Речь идет о священниках и евреях. Хотя на том этапе существования лагеря в Освенцим посылали еще не так много евреев, поскольку политика создания гетто по всей стране была еще в полном разгаре, все же некоторые участники сопротивления, представители интеллигенции и политические заключенные, попадавшие сюда, были еврейского происхождения. Они и польские католические священники имели гораздо больше шансов, нежели другие заключенные, попасть в штрафную команду, которую возглавлял один из самых одиозных капо лагеря, Эрнст Кранкеман.

Кранкеман прибыл в Освенцим во второй партии немецких уголовников, переведенных из Заксенхаузена 29 августа 1940 года. Многие эсэсовцы его недолюбливали, но у него в СС было два могущественных покровителя: лагерфюрер Карл Фрич (первый заместитель коменданта лагеря, т. е. Хесса) и рапортфюрер Герхард Палич (заместитель коменданта лагеря). Кранкеман, невероятно толстый мужчина, имел привычку сидеть на огромном катке, который использовали для того, чтобы выравнивать плац для переключек в центре лагеря. «Когда я первый раз увидел Кранкемана, – рассказывает Ежи Белецкий³⁴, один из первых заключенных, прибывших в Освенцим, – заключенные выравнивали площадку между двумя блоками. Этот

каток был невероятно тяжелым: двадцать или двадцать пять человек тянули его с огромным трудом. Кранкеман жестоко избивал их плетью, выкрикивая: “Эй вы, собаки, а ну живее!”»

Белецкий видел, как этих заключенных заставили работать, выравнивая плац, без перерыва целый день. Когда наступил вечер, один из них не выдержал и рухнул на колени, не в силах подняться. Тогда Кранкеман приказал остальным заключенным штрафной команды направить гигантский каток на выбившегося из сил товарища. «К тому времени я уже привык видеть смерть и избиения, – рассказывает Белецкий, – но то, что я увидел тогда, заставило меня похолодеть. Я просто застыл от ужаса».

Эсэсовцы были далеко не безразличными зрителями такой жестокости – наоборот, они активно ее поощряли. Как свидетельствует Вильгельм Брассе, а также все остальные выжившие в Освенциме заключенные, именно эсэсовцы культивировали в лагере жестокость (часто они сами совершали убийства). «Те капо, которые отличались особой жестокостью, – рассказывает Брассе, – получали от СС всяческие поощрения: дополнительную порцию супа, хлеба или сигарет. Я видел это своими глазами. Эсэсовцы подстегивали их, натравливая на заключенных. Я часто слышал, как кто-нибудь из эсэсовцев говорил: “Всыпь ему хорошенько”».

Несмотря на царившую в лагере кошмарную жестокость, Освенцим, с точки зрения нацистов, все еще был тихой заводью в водовороте бесчеловечной реорганизации Польши. Первый признак того, что вскоре все изменится, появился осенью 1940 года. В сентябре начальник Главного административно-хозяйственного управления СС, Освальд Поль проинспектировал лагерь и приказал Хессу увеличить его вместимость. Поль полагал, что расположенные неподалеку карьеры песка и гравия означают, что лагерь можно интегрировать в принадлежавшую СС компанию под названием «Немецкие песчаные карьеры и каменоломни» (DESt). Экономический фактор стал очень важным для Гимmlера и СС еще в начале 1937 года, когда количество заключенных в немецких концлагерях уменьшилось до 10 000 с более чем 20 000 в 1933 году. Тогда Гимmlеру пришло в голову «гениальное» решение, как обеспечить будущее концлагерей – СС начнет заниматься предпринимательской деятельностью.

С самого начала это было несколько необычное начинание. Гимmlер не собирался организовывать типичное капиталистическое предприятие. Скорее, намеревался создать целый ряд компаний, работающих в соответствии с доктриной нацистов и в интересах государства. Концентрационные лагеря должны были поставлять для новой Германии сырье: например, огромное количество гранита, необходимого для постройки новой гигантской Рейхсканцелярии Гитлера в Берлине. Преследуя именно эту цель, после аншлюса Австрии в 1938 году СС создало новый концентрационный лагерь в Маутхаузене специально возле гранитного карьера. Нацисты считали, что это очень правильно: пусть противники режима сделают свой вклад в его строительство. Как сказал Альберт Шпеер, любимый архитектор Гитлера: «В конце концов, евреи уже делали кирпичи для фараонов»³⁵.

Энтузиазм Гимmlера в отношении промышленного производства не ограничивался поставками строительных материалов для рейха. Он благословил целый ряд других проектов. Были созданы экспериментальные предприятия по исследованию лекарственных растений и новых форм сельскохозяйственного производства (две темы, особо близкие сердцу Гимmlера); вскоре СС начало заниматься производством одежды, витаминизированных напитков и даже фарфора (статуэтки пастушек, пастушков и прочих расово подходящих персонажей). Как показали недавние исследования³⁶, эсэсовские руководители многих из этих предприятий были абсолютно, просто порой до смешного, некомпетентны – если только над такой мрачной темой можно было бы смеяться.

Не успел Поль потребовать, чтобы Освенцим начал производить песок и гравий для нацистского государства, как лагерь приобрел еще одну функцию. В ноябре 1940 года Рудольф Хесс встретился с Гимmlером, и план развития Освенцима, который он ему представил, привлек внимание босса. Обоюдный интерес к сельскому хозяйству их сблизил. Хесс вспоми-

нал, как Гиммлер излагал свое новое видение лагеря: «Мы должны попытаться провести здесь все необходимые сельскохозяйственные эксперименты. Нужно создать мощные лаборатории и службы по растениеводству. Важно начать работы по животноводству всех видов... Болото надо осушить и начать обрабатывать...» Он продолжал разговор о планировании сельского хозяйства, углубляясь в мельчайшие детали, и остановился только тогда, когда адъютант напомнил ему, что одна очень важная персона уже очень долго ожидает встречи с ним»³⁷.

Тот ужас, в который впоследствии превратилось существование в Освенциме, давно окрасил в самые черные краски эту встречу Гиммлера и Хесса, однако эта встреча помогает понять образ мышления этих двух ключевых в истории лагеря фигур. Было бы слишком просто и в корне неправильно считать их просто «безумцами», которые руководствуются в своих действиях какими-то непостижимыми, абсолютно иррациональными чувствами. Здесь, во время этой встречи, они предстают перед нами как два энтузиаста, одержимых одной идеей; два чудака-визионера, которые в условиях войны способны обсуждать такие планы, которые даже в мирное время выглядели бы «воздушными замками». Но в действительности Гиммлер на тот момент, когда он сидел с Хессом над планами Освенцима, уже приобрел в результате нацистской агрессии богатый опыт превращения своих безумных идей в реальность. Он уже провел рукой над картой, полностью изменив жизнь сотен тысяч поляков и немцев. Ему уже приходилось принимать решения, масштабы которых сложно себе даже представить.

Крайне важно помнить, что все это время, пока Гиммлер в таком велеречивом тоне говорил о своем желании превратить Освенцим в центр сельскохозяйственных исследований, он преследовал более или менее вразумительную идею – омерзительную, но вполне логически последовательную. Во время этой встречи в ноябре 1940 года Силезия виделась ему в качестве немецкой сельскохозяйственной утопии, почти раем на земле. Исчезнут кричащие безвкусовые усадьбы поляков, а на их месте появятся крепкие, хорошо управляемые немецкие фермы. И Хесс, и Гиммлер когда-то сами были фермерами; у обоих была эмоциональная, почти мистическая привязанность к возделыванию земли. Поэтому идея превратить Освенцим в некий центр сельскохозяйственной науки обоим казалась очень заманчивой.

В порыве такого внезапного воодушевления тот факт, что Освенцим был расположен и совсем неподходящем месте для создания такого предприятия, уже не имел для Гиммлера значения. Расположенный у слияния рек Сола и Висла, лагерь находился в местности, печально известной постоянными паводками и наводнениями. Однако, несмотря на это, с того самого дня и до конца существования лагеря узники Освенцима будут трудиться, претворяя видение Гиммлера в жизнь, копая каналы, осушая болота и укрепляя берега рек – и все это только потому, что рейхсфюреру СС было намного приятнее сочинять грандиозные планы, чем заниматься практическими вопросами. Это безумие принесет гибель тысячам людей, однако мысль об этом вряд ли промелькнула в голове Гиммлера в тот момент, когда он с энтузиазмом излагал эту бредовую фантазию своему верному подчиненному Рудольфу Хессу.

К концу 1940 года Хесс уже создал основные структуры и принципы, согласно которым лагерь будет функционировать следующие четыре года: капо, контролировавшие каждый момент жизни заключенных; жесточайший режим, позволявший охранникам наказывать заключенных произвольно, по своему усмотрению – зачастую просто без каких-либо причин; царящее в лагере убеждение, что если заключенный не сумел как-то увильнуть из команды, направляемой на опасные работы, его ждет быстрая и непредвиденная смерть. Но кроме этого, в те первые месяцы существования лагеря было создано еще одно явление, которое ярче всего символизировало нацистскую лагерную культуру – это был блок 11.

Снаружи блок 11 (поначалу его называли блок 13, затем в 1941 году ему присвоили другой номер) ничем не отличался от остальных красно-кирпичных барачков, которые ровными рядами выстроились по всей территории лагеря. Но у этого здания была своя, присущая только ему, функция – и все в лагере знали об этом. «Лично я боялся даже пройти мимо блока 11, –

рассказывает Юзеф Пашинский³⁸. – Очень боялся». Заключенные испытывали такой страх потому, что блок 11 был тюрьмой внутри тюрьмы – местом пыток и убийств.

Ежи Белецкий – один из немногих, кто своими глазами видел то, что происходило в блоке 11 и, оставшись в живых, смог рассказать об этом. Он попал туда, так как однажды утром проснулся настолько больным и измученным, что был не в состоянии приступить к работе. В Освенциме нельзя было получить день отдыха на восстановление сил, поэтому он попытался спрятаться в лагере в надежде, что его отсутствие не заметят. Для начала он спрятался в отхожем месте, но знал, что если пробудет там целый день, его, скорее всего, поймут. Поэтому через некоторое время он вышел оттуда и притворился, что убирает территорию. Но к несчастью его поймал охранник и в наказание отправил в блок 11.

По лестнице его отвели на чердак. «Там было чертовски жарко, – рассказывает он. – Был прекрасный августовский день. А в помещении стояло ужасное зловоние, и слышно было, как кто-то стонал: «Боже, о Боже!» Было темно – единственный свет в помещение проходил через черепицу крыши». Он посмотрел вверх и увидел человека, подвешенного к балке за руки, связанные за спиной. «Эсэсовец принес табурет и приказал: «Залезай». Я сложил руки за спиной, а он связал их цепью». После этого эсэсовец прикрепил цепь к балке и резко выбил из-под меня табурет. «Иезус Мария, я почувствовал ужасающую боль! Я застонал, но он прикрикнул: “Заткнись, собака! Ты это заслужил!”» Эсэсовец ушел, оставив узников висеть.

Боль в скрученных руках была ужасающей: «К тому же, пот лился с меня ручьями, так как в помещении было нестерпимо жарко. Я все время повторял: “Мама, мамочка...” Где-то через час плечи были вывихнуты. Тот, другой парень, висевший недалеко от меня, уже молчал. Затем пришел еще один эсэсовский охранник. Он подошел к тому парню и освободил его. Я закрыл глаза, душа, казалось, покинула меня. И тут вдруг до моего сознания дошли слова эсэсовца. Он сказал: “Осталось всего пятнадцать минут”».

Ежи Белецкий уже ничего не помнил до момента, когда вернулся тот же эсэсовец. «“Подними ноги”, – приказал он. Но я уже был не в состоянии этого сделать. Тогда он взял мою ногу и поставил на табурет, затем другую. Потом снял цепь, и я свалился с табурета на колени как мешок картошки. Он помог мне встать, потом поднял мою правую руку и сказал: “Держи так”. Но я не чувствовал своих рук. Он сказал: “Через час пройдет”. Еле волоча ноги, я спустился вместе с этим эсэсовцем. Это был милосердный охранник».

История Ежи Белецкого поражает несколькими моментами. И не в последнюю очередь его мужеством под пыткой. Но, возможно, самое удивительное – это разница между двумя эсэсовскими охранниками: один по-садистски, без предупреждения выбил из-под него табурет, а второй, «милосердный» охранник помог ему спуститься после того, как пытка закончилась. Это было важным напоминанием того, что так же, как капо могли сильно различаться характером, разными могли быть и эсэсовцы. Все заключенные, пережившие концлагерь, вспоминают, что как капо, так и эсэсовские надзиратели были неодинаковы. Самым главным для того, чтобы выжить в лагере, была способность понять характер каждого из тех, от кого ты зависел – и не только капо, но и СС.

Хотя Ежи Белецкий и вышел из блока 11 покалеченным, ему все же повезло, поскольку шансы вернуться живым после того, как ты вошел в эту дверь и поднялся вверх по этим бетонным ступенькам, были очень невелики. На допросах нацисты пытали заключенных блока 11 самыми чудовищными способами, не только подвешивая за руки, связанные за спиной, как истязали Белецкого. Заключенных били плетями, пытали водой, загоняли иглы под ногти, жгли каленым железом, обливали бензином и поджигали. Эсэсовцы в Освенциме и сами проявляли инициативу в изобретении новых способов пыток. Так, по воспоминаниям бывшего заключенного Болеслава Збоженя, однажды в лагерный госпиталь принесли заключенного из блока 11: «Их любимый способ пытки, особенно зимой, состоял в том, что голову заключенного прижимали к раскаленной металлической печке-буржуйке до тех пор, пока он им не давал

нужные им показания. Лицо человека после такой пытки почти полностью сгорало... У того человека (которого принесли в госпиталь из блока 11) лицо полностью сгорело, и глаза были выжжены, но он не мог умереть... Он все еще был нужен сотрудникам из *Politische Abteilung* [политического отдела]... этот заключенный умер через несколько дней, так ни разу и не потеряв сознания»³⁹.

В те дни в блоке 11 властвовал унтерштурмфюрер СС (лейтенант) Макс Грабнер, один из самых одиозных эсэсовцев в Освенциме. Перед вступлением в СС Грабнер был пастухом, пас коров, а теперь в его власти было решать, кому из узников его блока жить, а кому умирать. Каждую неделю он занимался «очисткой бункера». Процесс заключался в том, что Грабнер вместе с коллегами вершил судьбу каждого заключенного блока 11. Некоторых оставляли в камерах, других приговаривали к «наказанию 1» или «наказанию 2». «Наказание 1» означало побои плетью или какую-нибудь другую пытку, «наказание 2» означало немедленную казнь. Тех, кого приговаривали к смерти, сначала отводили в умывальные комнаты на первом этаже блока 11 и приказывали раздеться. Затем их, уже голых, выводили через боковую дверь в закрытый внутренний двор. Этот двор, между блоком 11 и блоком 10, был отгорожен от остальной территории кирпичной стеной. Это было единственное место подобного назначения: здесь заключенных убивали. Их отводили к кирпичной стене – на лагерном жаргоне «к экрану» – самой дальней от входа в блок 11. Капо крепко держали узников за руки. Как только заключенный доходил до этой стены, эсэсовский палач приставлял к его голове мелкокалиберный пистолет (от него было меньше шума) и нажимал курок.

Но не только заключенные Освенцима страдали в блоке 11 – это было еще и место расположения полицейского дисциплинарного суда в регионе немецкого Каттовица (ранее польского Катовице). Так что поляки, арестованные гестапо в городе, могли напрямик попасть в блок 11 из внешнего мира, даже не проходя через весь ужас лагеря. Одним из судей в таких случаях был доктор Мильднер, оберштурмбанфюрер СС (подполковник) и государственный советник. Перри Брод, эсэсовец, служивший в Освенциме, описывал, как садист Мильднер любил проводить процессы: «В комнату ввели юношу шестнадцати лет. Невыносимый голод довел мальчика до того, что он украл в каком-то магазине немного еды. И из-за этого попал в «уголовники». Зачитав смертный приговор, Мильднер медленно положил бумагу на стол и впился пронизывающим взглядом в побледневшее лицо плохо одетого парнишки: «У тебя есть мать?». Парень опустил глаза и едва слышно ответил: «Да». – «Ты боишься смерти?» – спросил безжалостный палач с бычьей шеей. Казалось, страдания жертвы доставляют ему извращенное удовольствие. Юноша молчал, но его била дрожь. “Тебя сегодня расстреляют, – сказал Мильднер, пытаясь придать голосу грозную значительность. – Тебя все равно бы когда-нибудь повесили. А так через час ты будешь мертв”»⁴⁰.

По рассказам Брода, Мильднеру доставляло особое удовольствие разговаривать с женщинами сразу после того, как он приговаривал их к смерти: «Невероятно драматическим тоном он сообщал им о том, что их сейчас расстреляют».

И все же, несмотря на все ужасы блока 11, Освенцим на этой стадии все еще хоть как-то был похож на традиционный концлагерь, такой как Дахау. Очень показателен тот факт, что, как бы это ни противоречило общепринятому мифу, в те первые месяцы существования лагеря можно было попасть в Освенцим, отсидеть там какой-то срок и выйти на свободу.

В 1941 году, перед самой Пасхой, Владислав Бартошевский⁴¹, польский политический заключенный, лежал в госпитале, в блоке 20. К нему подошли два эсэсовца. «Они сказали мне: “Проваливай!” Никто ничего не объяснил, я не знал, что вообще происходит. Я был ошарашен такими резкими переменами. Те, кто был рядом со мной, тоже не понимали, в чем дело. Я был в ужасе». И тут он вдруг узнал, что сейчас предстанет перед врачебной комиссией. По пути туда польский доктор, тоже заключенный, прошептал ему: «Если тебя спросят о здоровье, скажи,

что ты здоров и чувствуешь себя хорошо: если скажешь им, что болен, тебя не выпустят». Бартошевский не мог поверить, что ему дадут покинуть лагерь. «Они что, меня освободят?» – спрашивал он польских докторов, пораженный. Ему только бросили: «Тихо!»

Теперь лишь одно препятствие было на пути к освобождению – его физическое состояние. «У меня были огромные нарывы на спине, на бедрах, голове и затылке. Те польские врачи смазали их мазью и замаскировали так, чтобы я выглядел немного лучше. Они сказали: «Не бойся, тебя не будут тщательно осматривать. Но только ты не проговорись. Здесь никто не болеет, понимаешь?» Меня отвели к немецкому доктору. Я старался на него не смотреть. Польские врачи быстро меня осмотрели и заключили: «Все в порядке». Немецкий доктор только кивнул головой».

После этого поверхностного медицинского осмотра Бартошевского отвели в лагерную канцелярию. Там ему вернули одежду, в которой он прибыл в лагерь. «Не вернули только золотой крестик, – рассказывает он. – Оставили его себе в качестве сувенира». Затем последовал фарс, который напоминал обычное освобождение из тюрьмы. Эсэсовец спросил, есть ли у заключенного какие-нибудь жалобы. «Я, конечно, соврал, – говорит Бартошевский, – и ответил “нет”. – Затем мне задают следующий вопрос: “Вы удовлетворены своим пребыванием в лагере?” Я сказал “да”. После этого я должен был подписать заявление, в котором говорилось, что у меня нет никаких жалоб, и я не буду нарушать закон. Я не совсем понимал, какой закон они имеют в виду. Я ведь поляк, что мне до их немецких указов. Наш закон представляло польское правительство в изгнании, оно находилось в Лондоне. Но, естественно, я воздержался от каких бы то ни было комментариев».

Вместе с другими тремя поляками, освобожденными в тот день, Бартошевского под конвоем отвели на железнодорожную станцию и посадили на поезд. Как только состав тронулся, он необыкновенно остро ощутил «эти первые минуты свободы». Впереди еще был долгий путь домой, к матери в Варшаву. В вагоне «люди качали головой. Некоторые женщины утирали слезы жалости. Было видно, что они сочувствуют нам. Спрашивали только: «Откуда вы едете?» Мы отвечали: «Из Освенцима». Больше вопросов не задавали – только страх в глазах». В конце концов, поздно вечером того же дня Бартошевский добрался до квартиры матери в Варшаве. «Она была потрясена. Бросилась обнимать меня. Первое, что бросилось мне в глаза – седая прядь в ее волосах. Она сильно сдала. Да кто в то время хорошо выглядел...»

Итак, несколько сотен заключенных были освобождены из Освенцима подобным образом. Никто точно не знает, почему освободили именно этих людей. Но в случае с Бартошевским, возможно, определенную роль сыграло общественное давление, поскольку Красный Крест и другие организации проводили кампанию в его защиту. То, что нацисты в то время еще обращали внимание на мнение других стран по вопросам содержания заключенных, подтверждается и судьбой ряда польских ученых, арестованных в ноябре 1939 года. Профессора Ягеллонского университета в Кракове были схвачены прямо в аудиториях, во время лекций, и заключены в разные концлагеря, включая Дахау. Они стали жертвами кампании, проводившейся нацистами против польской интеллигенции. Через четырнадцать месяцев те из них, кто выжил, были освобождены. Почти наверняка это был результат международного давления, в том числе требований Папы Римского.

Тем временем Освенцим вступил в новый, крайне важный этап своего развития, когда еще у одного немца появилась некая «идея», которая существенно повлияла на жизнь лагеря. Доктор Отто Амброс, сотрудник фирмы *I. G. Farben*, гигантского промышленного конгломерата, подыскивал подходящую площадку для размещения на Востоке завода по производству синтетического каучука. Он занялся этим потому, что ход войны оказался совсем не таким, как того ожидала нацистская верхушка. Подобно тому, как Гиммлер в мае 1940 года предполагал, что вскоре всех евреев можно будет выслать в Африку, поскольку война, конечно же, вскоре завершится – точно так же промышленники решили, что нет смысла заниматься слож-

ным и дорогостоящим производством синтетического каучука и топлива. Как только война закончится – скажем, не позднее осени 1940 года – огромное количество сырья можно будет получать из других стран, и не последнее место среди них будут занимать новые колонии Германии, захваченные у ее врагов.

Но наступил ноябрь, а война все не кончалась. Черчилль отказался заключать мир, а королевские ВВС отбили все немецкие атаки на остров в «Битве за Британию». Немецкое руководство столкнулось с непредвиденным. И это повторялось не раз: нацистское правительство сталкивалось с событиями, которых оно никак не ожидало. Нацистами всегда двигали невероятные амбиции и чрезмерный оптимизм. Им казалось, всего можно достичь одной только «силой воли». Но до поставленной цели они не дотягивали из-за собственных стратегических промахов или из-за того, что враг оказывался сильнее, чем им позволяло представить себе их болезненно распухшее самомнение.

В фирме *I. G. Farben* поспешно сдули пыль с планов по расширению, которые были положены на полку в ожидании скорого окончания войны, и начали претворять их в жизнь. Хотя компания *I. G. Farben* и не была национализирована, она все же весьма лояльно относилась к нуждам и пожеланиям нацистского руководства. В соответствии с нацистским четырехлетним планом на Востоке должен был быть построен завод по производству синтетического каучука (типа «буна»). И теперь, после длительных обсуждений, компания согласилась на стройплощадку, расположенную в Силезии⁴². Технология производства синтетического каучука выглядела примерно так: уголь подвергался процессу гидрирования, в ходе которого через уголь при высокой температуре пропускали газообразный водород. Без извести, воды – и главное, без угля – завод по производству «буны» работать не мог. Поэтому обязательным условием при выборе площадки для такого завода было наличие поблизости всего необходимого сырья. К тому же *I. G. Farben* настаивала на том, что вблизи завода также должна быть удобная транспортная развязка, а в окружающей местности – жилищная инфраструктура.

После тщательного изучения карт и планов местности Отто Амброс пришел к выводу, что нашел подходящее место для нового завода по производству «буны» в трех милях к востоку от концлагеря Освенцим. Но близость к лагерю была не самым важным фактором в этом решении. *I. G. Farben* была больше заинтересована в использовании на заводе прибывающих этнических немцев, чем в рабском труде заключенных – ведь только на него едва ли можно было рассчитывать.

Реакцию Гимmlера на новость о том, что *I. G. Farben* заинтересовалась Освенцимом, иначе как шизофренической назвать нельзя. Как рейхсфюрер СС он сомневался в правильности такого решения. До этого момента им был установлен порядок, согласно которому заключенные концентрационных лагерей работали только на предприятиях, принадлежащих СС. Он отнюдь не приветствовал идею, чтобы заключенные работали на частное предприятие, а деньги, которые они зарабатывают, отправлялись в казну государства, вместо того чтобы оставаться в руках СС. Это его не устраивало – даже при условии, что СС будет зарабатывать продажей гравия фирме *I. G. Farben*. У Гимmlера были более серьезные амбиции касательно создания собственных концернов принадлежащих СС, чему вся эта история с *I. G. Farben* только помешала бы.

Однако в качестве рейхскомиссара по укреплению немецкой расы Гимmlер не мог особенно возражать против этого решения. Он знал о том, что компании *I. G. Farben* нужны этнические немцы, и был рад их предоставить. Поиск жилья для прибывающей рабочей силы не составит проблемы. Власти города Освенцим были только рады «выставить»⁴³ этих евреев и поляков, чтобы освободить место для приезжающих немцев. Окончательное решение было принято Герингом, так как он отвечал за Четырехлетний экономический план: *I. G. Farben* построит свой завод рядом с концлагерем, а Гимmlеру и СС предстоит с ними сотрудничать⁴⁴.

Этот интерес со стороны *I. G. Farben* превратил Освенцим из второстепенного лагеря в системе СС в потенциально один из важнейших ее компонентов. Как бы подчеркивая изменения в статусе лагеря, Гиммлер принял решение посетить Освенцим 1 марта 1941 года. В своих воспоминаниях, а также в ходе допросов после окончания войны Хесс представил подробный отчет об этом визите, во время которого Гиммлер дал волю своей мании величия. Если видение Гиммлером Освенцима как сельскохозяйственной научно-исследовательской станции в ноябре 1940 года было просто весьма амбициозным, то его аппетиты в марте 1941 года стали уже явно колоссальными.

Отбросив в сторону первоначальные сомнения относительно целесообразности размещения *I. G. Farben* рядом с Освенцимом, Гиммлер бодро объявил, что теперь лагерь, рассчитанный на 10 тысяч заключенных, должен быть расширен до 30 тысяч. Сопровождавший Гиммлера в этой поездке гауляйтер Верхней Силезии Фриц Брахт начал было возражать против столь быстрого расширения лагеря. Другой местный чиновник также вмешался в разговор, напомнив о том, что дренажные проблемы строительной площадки так и остались нерешенными. В ответ на это Гиммлер сказал им, что это их проблемы, и решать их должны они сами – разумеется, посоветовавшись со специалистами. Затем он подвел черту под дискуссией: «Господа, лагерь будет расширен. Мои основания для этого гораздо важнее ваших возражений»⁴⁵.

Несмотря на то, что Хесс раболепствовал перед Гиммлером, его настолько испугали сложности претворения в жизнь новых идей его хозяина, что, как только он, Гиммлер и высший чин СС и полиции на юго-востоке Эрих фон дем Бах-Зелевски остались в машине одни, он разразился потоком жалоб. У него не хватает строительных материалов, жаловался он, у него не хватает персонала, у него не хватает времени – всего не хватает! Реакция Гиммлера была легко предсказуемой: «Я не хочу ничего больше слышать о трудностях! – заявил он. – Для офицера СС трудностей не существует! Когда они возникают, его обязанность от них избавиться. Как вы это сделаете – ваша проблема, а не моя».

Интереснее всего в этом разговоре даже не ответ Гиммлера на ропот Хесса, а сам факт того, что Хесс мог позволить себе разговаривать в таком тоне с руководителем СС. В советской системе любой, кто посмел бы таким образом отвечать Сталину или Берии, рисковал бы жизнью. Как бы странно это ни выглядело на первый взгляд, но на самом деле нацистское руководство было намного терпимее к внутренней критике своих сторонников, чем сталинская система. Это одна из причин, по которой Третий рейх оказался более динамичным из этих двух политических режимов: функционеры на нижних ступеньках иерархической лестницы имели больше свободы для применения инициативы и выражения своей точки зрения. В отличие от большинства тех, кто совершал преступления при сталинском режиме, Хесс никогда совершал никаких поступков из страха перед жестоким наказанием за невыполнение приказа. Он вступил в СС потому, что всем сердцем верил в идеалы нацизма и потому считал, что у него есть право критиковать детали претворения этих идеалов в жизнь. Он был энергичным исполнителем, который делает свою работу не потому, что ему так велели, а потому, что считает, что это правильно.

Конечно, иметь возможность критиковать руководство и чего-то добиться этой критикой – вовсе не одно и то же. И Хесс ничего не достиг своими жалобами Гиммлеру: планы рейхсфюрера относительно расширения концентрационного лагеря Освенцим должны были быть выполнены несмотря ни на что. Как впоследствии печально заметил Хесс: «Рейхсфюрера всегда больше интересовали положительные отчеты, чем отрицательные».

Вследствие решения *I. G. Farben* построить завод по производству «буны» в Освенциме Гиммлер не ограничился в своих грандиозных планах только концентрационным лагерем, но и включил в них сам город и его окрестности. На плановой встрече в Катовице 7 апреля 1941 года его представитель объявил: «Цель рейхсфюрера – создать на этом месте образцовое восточное поселение, причем особое внимание должно быть уделено поселению здесь немецких мужчин

и женщин со специальными знаниями и умениями»⁴⁶. Были разработаны планы по созданию нового немецкого города Аушвиц с населением в 40 000 жителей. Эти планы также подразумевали расширение находящегося по соседству концлагеря.

Приблизительно в то же время и сам Хесс осознал потенциальную полезность налаживания взаимоотношений с *I. G. Farben*. Протокол встречи, которая состоялась 27 марта 1941 года⁴⁷ между представителями Освенцима и представителями компании, показывает, насколько он был заинтересован в том, чтобы извлечь из сложившейся ситуации выгоду для лагеря. После того как один из инженеров *I. G. Farben* спросил, сколько заключенных сможет предоставить лагерь в ближайшие годы, «штурмбаннфюрер (майор) Хесс указал на трудности с размещением достаточного количества заключенных в концентрационном лагере Освенцим, поскольку главной проблемой остается невозможность быстро возводить необходимые для этого бараки». Этому мешал недостаток строительных материалов, заявил Хесс. Это была все та же проблема, которой он досаждал Гиммлеру, и которую пытался решить сам, отправляясь в окружающие села и «воруя» там стройматериалы, в том числе так необходимую ему колючую проволоку. Теперь же Хесс получил возможность объяснить *I. G. Farben*, что в их интересах помочь «ускорить расширение лагеря», так как «только таким образом лагерь сможет предоставить необходимое для работы количество заключенных». Наконец-то Хесс нашел людей, которые с пониманием отнеслись к его проблемам: господа из *I. G. Farben* решили «заняться вопросом касательно того, как можно поспособствовать расширению лагеря».

Во время этой же встречи *I. G. Farben* согласилась платить общую сумму в 3 рейхсмарки в день за каждого неквалифицированного рабочего и 4 рейхсмарки за каждого квалифицированного рабочего. Одновременно с этим они оценили «производительность труда каждого заключенного на уровне 75 % от производительности труда обычного немецкого рабочего». Также было достигнуто соглашение касательно цены, которую *I. G. Farben* будет платить за каждый кубометр гравия, добываемого заключенными из протекающей неподалеку реки Сола. В общем, «весь процесс переговоров прошел в сердечной обстановке. Обе стороны подчеркнули свое желание помогать друг другу во всех вопросах».

Но какими бы обширными ни казались планы Гиммлера и компании *I. G. Farben* относительно Освенцима, они не шли ни в какое сравнение с далеко идущими планами, которые в то время обсуждались нацистскими стратегами в Берлине. На протяжении нескольких месяцев офицеры Верховного командования немецких вооруженных сил работали над планом вторжения в Советский Союз под кодовым названием «операция Барбаросса». Гитлер еще в июле 1940 года на встрече в его баварской резиденции Бергхоф объявил своим военачальникам, что лучший способ быстро окончить войну – это уничтожить Советский Союз. Он полагал, что единственной причиной, по которой Британия все еще продолжает войну, является надежда британского командования на то, что Сталин, в конце концов, разорвет пакт о ненападении, подписанный с нацистами в августе 1939 года. Если же немцы уничтожат Советский Союз, тогда, как полагал Гитлер, Британия будет вынуждена заключить мир с Германией и нацисты, несомненно, станут полными хозяевами Европы. Именно такое решение – и только оно – определит весь дальнейший ход войны, даже больше – весь ход истории Европы на протяжении оставшейся части двадцатого века. В результате этого вторжения погибнут 27 миллионов советских граждан – за всю историю человечества это самые большие потери, какие когда-либо понесла какая-либо страна в результате войны. Эта война также создаст условия для осуществления нацистского «окончательного решения еврейского вопроса», в ходе которого произойдет массовое уничтожение евреев. Таким образом, невозможно было правильно понять, как должен был теперь развиваться далее Освенцим, без учета тех изменений, которые происходили в Освенциме в контексте планирования операции «Барбаросса», и затем хода войны летом и осенью 1941 года. И действительно, с этого момента и до того дня, когда Гитлер совер-

шит самоубийство, удачи и неудачи на Восточном фронте будут главной темой всех помыслов нацистского руководства.

Нацисты считали эту войну не обычной войной вроде той, что велась против «цивилизованных» западных стран, а борьбой насмерть против еврейско-большевистских «недочеловеков». Эту идею четко выразил Франц Гальдер, начальник Генерального штаба немецкой армии, в своем дневнике 17 марта 1941 года: в России «нужно использовать силу в самой жестокой ее форме», а «взращенная Сталиным интеллигенция должна быть уничтожена». Благодаря такому политическому подходу те, кто планировал вторжение, получили возможность найти решение проблемы снабжения немецкой армии продовольствием во время продвижения вглубь советской территории. Местному населению предстояло от этого жестоко пострадать... Документ от 2 мая 1941 года, подготовленный центральным экономическим агентством вермахта, заявляет, что «вся немецкая армия» должна «быть накормлена за счет России». Последствия были очевидны: «Таким образом, десятки миллионов людей без сомнения умрут от голода, если мы заберем из этой страны все, что нам необходимо»⁴⁸. Тремя неделями позже, 23 мая, это же агентство произвело на свет еще более радикальный документ, под названием «Политико-экономическое руководство для экономической организации Востока». В этом документе говорилось уже о том, что теперь целью является не только обеспечение немецкой армии, но и снабжение оккупированной нацистами Европы. В результате 30 миллионов людей в северной части Советского Союза могли бы умереть от голода»⁴⁹.

Недавние исследования показали, что такие шокирующие документы не просто представляют определенную направленность мысли, целесообразную и выгодную для нацистов в то время, но и свидетельствуют, что внутри самого нацистского движения существовало некое интеллектуальное течение, считавшее такое сокращение населения экономически обоснованным. Работая в соответствии с теорией «оптимального размера населения», нацисты, занимавшиеся экономическим планированием, могли подвергнуть рассмотрению любой регион мира и просто на основании численности населения высчитать, будет этот регион приносить прибыль или убыток. Например, немецкий экономист Гельмут Майнхолд из Института немецкого развития на Востоке подсчитал в 1941 году, что 5,83 миллионов поляков (включая стариков и детей) были «лишними» в соответствии с экономическими требованиями⁵⁰. Существование этого лишнего населения означало «реальную эрозию капитала». Люди, составлявшие это лишнее население, были *Ballastexistenzen* – «напрасной тратой места». На этом этапе такие экономисты еще не следовали своей логике до конца – они не призывали к физическому уничтожению этого балласта в Польше. Но эти «специалисты» хорошо знали о том, как Сталин решил аналогичный вопрос в Советском Союзе. В тридцатых годах в Украине политика депортации кулаков и коллективизации оставшихся крестьян привела к смерти около 9 миллионов человек.

Такой способ мышления дал интеллектуальное обоснование геноциду гражданского населения в результате немецкого вторжения в Советский Союз. Для нацистских экономистов тот факт, что «30 миллионов людей» могут умереть от голода, представлял собой не только мгновенную пользу для наступающей немецкой армии, но и выгоду для всего немецкого народа в долгосрочной перспективе. То, что нужно будет кормить меньше ртов в Советском Союзе, означало не только то, что можно будет больше продовольствия отправить на Запад жителям Мюнхена и Гамбурга, но и то, что упростится и ускорится германизация оккупированных территорий.

Гиммлер уже заметил, что большинство польских ферм были слишком малы для немецких семей, и теперь он не сомневался, что массовый голод на захваченных советских территориях облегчит создание на них крупных немецких хозяйств. Перед самым началом вторжения в СССР Гиммлер разоткровенничался с коллегами на субботней вечеринке: «Цель русской кампании – истребить 30 миллионов славянского населения»⁵¹.

Абсолютно очевидно, что перспектива войны против Советского Союза привела к возникновению в умах нацистских лидеров самых радикальных идей. В письме, адресованном Муссолини, где Гитлер ставил его в известность о своем решении напасть на Советский Союз, он признался, что теперь чувствует себя «духовно свободным», и что эта «духовная свобода» состоит в том, что он имеет возможность действовать во время этого конфликта, как он пожелает. Как написал 16 июня 1941 года в своем дневнике Геббельс, шеф нацистской пропаганды: «Фюрер сказал, что мы обязаны добыть победу любой ценой, неважно, творим мы зло или добро. Мы и так за многое в ответе...»

Уже на этой стадии, когда планы еще только составлялись, было абсолютно ясно, что евреев Советского Союза ожидают ужасные испытания. В своей речи, произнесенной в рейхстаге 30 января 1939 года, Гитлер обозначил четкую связь между будущей мировой войной и уничтожением евреев: «Сегодня я хочу вновь стать пророком: если международным финансистам и евреям – как в Европе, так и за ее пределами – удастся еще раз ввергнуть народы в мировую войну, результатом станет не большевизация мира и связанная с ней победа еврейства, а полное уничтожение еврейской расы в Европе»⁵². Гитлер использовал термин «большевизация» намеренно для того, чтобы подчеркнуть якобы существующую связь между коммунизмом и иудаизмом, на которой основывалась нацистская расовая теория. С его точки зрения Советский Союз был очагом большевистско-еврейского заговора. И неважно было, что у Сталина тоже имелись явные антисемитские наклонности. Нацисты предполагали, что евреи тайно контролируют всю сталинскую империю.

Чтобы справиться с предполагаемой еврейской угрозой в Советском Союзе, были созданы четыре айнзатцгруппы (*Einsatzgruppen*). Подобные оперативные отряды службы безопасности (являвшиеся частью СС) и полиции ранее уже действовали во время аншлюса Австрии и вторжения в Польшу. Их задачей было, двигаясь за наступающими войсками, уничтожать «врагов государства». В Польше такие айнзатцгруппы, проводили террористические акции, в результате чего было убито около 15 000 поляков – в основном евреев и представителей интеллигенции. Но эта цифра – просто мелочь по сравнению с тем, что творили айнзатцгруппы в Советском Союзе.

Эти подразделения сеяли смерть, несоизмеримую по масштабам с их размерами. Айнзатцгруппа А, прикрепленная к группе армий «Север», была самой большой: в ее состав входило около 1000 человек. Оставшиеся три (В, С и D), прикрепленные к другим группам армий, имели в своем составе от 600 до 700 человек. Перед самым вторжением командиры айнзатцгрупп получили инструктаж о своих задачах у Гейдриха. Его приказы, прозвучавшие на этой встрече, позднее, 2 июля 1941 года, были упорядочены в виде директивы, в которой говорилось, что в задачи айнзатцгрупп входит истребление коммунистических деятелей, комиссаров и «евреев, находящихся на службе [большевистской] партии или государства». Навязчивая идея нацистов о существовании особой связи между иудаизмом и коммунизмом, таким образом, очень отчетливо просматривается в директиве Гейдриха.

С самых первых дней вторжения айнзатцгруппы шли за передовыми частями немецкой армии. Они быстро двигались вперед и уже 23 июня, всего через день после начала войны, Айнзатцгруппа А под командованием генерала полиции и бригаденфюрера СС доктора Вальтера Шталекера достигла литовского города Каунас. Как только айнзатцгруппа вошла в город, начались еврейские погромы. В директиве Гейдриха были следующие слова: «Ни в коем случае не предпринимать никаких шагов, способных помешать чисткам, которые могут быть устроены антикоммунистическими и антисемитскими элементами на новооккупированных территориях. Наоборот, такие выступления должны тайно поощряться». Эта инструкция ясно дает понять, что убийство «евреев, находящихся на службе большевицкой партии и советского государства» являлось обязательным минимумом, ожидаемым от айнзатцгрупп. Впоследствии Шталекер написал в своем отчете: «Наша задача состояла в том, чтобы начать эти погромы,

направить их в нужном направлении и достичь поставленных целей по ликвидации в самое короткое время»⁵³. В Каунасе литовцы, которых немцы выпустили из тюрьмы, убивали евреев дубинками прямо на улицах города под благосклонным наблюдением немцев. На эти зверства собирались посмотреть толпы. Некоторые выкрикивали, подзадоривая убийц: «Бей евреев!» Когда эта бойня закончилась, один из убийц, взобравшись на груды трупов, взял аккордеон и заиграл литовский национальный гимн. Это была, без сомнения, именно такая акция, какие, по замыслу Гейдриха, его люди должны были «тайно поощрять».

Действуя в основном вдали от крупных городов, айнзатцгруппы добросовестно выполняли свою работу: они выискивали «евреев, которые состояли на службе большевицкой партии и советского государства» и убивали их. На деле это часто означало, что всех мужчин еврейской национальности в деревне или поселке попросту расстреливали. В конце концов, в соответствии с нацистской теорией, все еврейские мужчины в Советском Союзе в той или иной степени «были на службе партии или государства».

В то время как айнзатцгруппы и связанные с ними подразделения СС занимались уничтожением советских евреев, части регулярной немецкой армии также принимали участие в военных преступлениях. В соответствии с печально известным планом «Барбаросса» и так называемым «Комиссарским приказом» бойцов партизанских отрядов в плен не брали, а расстреливали прямо на месте, и проводились карательные акции против целых сел. Советских военных политруков – комиссаров – убивали, даже если они сдавались в плен. Именно из-за этого приказа, сформулировавшего отношение нацистов к комиссарам, Освенцим оказался впервые вовлеченным в этот конфликт. По соглашению с СС немецкая армия дала возможность людям Гейдриха прочесать многочисленные лагеря военнопленных в поисках комиссаров, которые, возможно, сумели проскользнуть через первоначальные проверки еще на фронте, когда их только взяли в плен. Затем возник вопрос: куда их деть? С точки зрения нацистов, было явно не лучшим решением убить их прямо на глазах у других военнопленных. Именно поэтому в июле 1941 года несколько сотен комиссаров, выявленных в лагерях для военнопленных, отправили в Освенцим.

С самого момента прибытия в Освенцим обращение с этими заключенными отличалось от обращения с остальными. Невероятно, но факт – даже учитывая те истязания, которые уже творились в лагере: с этой группой заключенных обращались еще хуже. Ежи Белецкий услышал, как над ними издевались, еще до того как увидел их самих: «Помню ужасные вопли и стоны...» Они с другом подошли к карьере с гравием на краю лагеря, там и увидели советских военнопленных. «Они бегом возили тачки, наполненные песком и гравием, – рассказывает Белецкий. – Это была чудовищно тяжелая работа. Доски, по которым они толкали тачки, шатались во все стороны. Это была не обычная лагерная работа, а какой-то ад, который эсэсовцы специально создали для советских военнопленных». Капо избивали работающих комиссаров палками, а наблюдающие за всем этим эсэсовские охранники подбадривали тех: «Давайте, ребята! Бейте их!» Но то, что Ежи Белецкий увидел потом, его окончательно потрясло: «Там стояло четверо или пятеро эсэсовцев с винтовками. Один из них время от времени, перезарядив винтовку, высматривал цель, затем прицеливался и стрелял куда-то в карьер. Мой друг обомлел: «Что он делает, этот сукин сын?!» И мы увидели, как капо в карьере добивал палкой уже умирающего от пули человека. Мой друг служил в армии, и для него это была дикость: «Это же военнопленные. У них есть особые права!» Но этих людей убивали даже во время работы». Вот так летом 1941 года война на Восточном фронте – война без правил – дошла до Освенцима.

Конечно, убийства советских комиссаров были лишь малой долей того, что тогда творилось в Освенциме. Прежде всего, лагерь по-прежнему оставался местом содержания, подавления и запугивания польских узников. Хессу необходимо было заставить вверенное ему учреждение удовлетворять потребности нацистского государства, и он неусыпно заботился о том,

чтобы не допускать побегов из лагеря. В 1940 году только два человека попытались бежать из Освенцима, но это число увеличилось до 17 в 1941 году (и продолжало увеличиваться: до 173 в 1942 году, 295 в 1943 году и 312 в 1944 году)⁵⁴. В первые годы существования лагеря подавляющее большинство заключенных были поляками, и местное население относилось к ним с симпатией. Поэтому в случае, если заключенному удавалось ускользнуть от лагерной охраны, у него были все шансы исчезнуть в человеческом водовороте, который образовался в стране из-за этнических пертурбаций. Поскольку днем многие заключенные работали за пределами лагеря, им даже не нужно было преодолевать окружающий территорию забор из колючей проволоки с пропущенным через него электрическим током. Им нужно было преодолеть только одно препятствие, внешний забор, проходивший по периметру лагеря – так называемый *Grosse Postenkette*.

Политика Хесса по предотвращению побегов была очень проста: беглецов ожидало жесточайшее возмездие. Если нацистам не удавалось поймать сбежавшего заключенного, они арестовывали его родственников. Кроме того, отбирали десять заключенных из барака, в котором жил сбежавший узник, и убивали их самым садистским способом. Роман Трояновскому довелось подвергнуться трем таким отборам в 1941 году, после того, как обнаружилось, что кто-то сбежал из их барака. «Лагерфюрер (заместитель коменданта) с другими охранниками смотрели в глаза заключенным и выбирали, – рассказывает Трояновский. – Конечно, те, кто был послабее и выглядел похуже, становились самыми вероятными жертвами. Не знаю, о чем я думал во время отбора. Я старался не смотреть ему в глаза – это было опасно. Нужно было стоять прямо, чтобы не выделяться. А когда Фрич останавливался возле кого-нибудь и указывал пальцем, всегда замирало сердце, так как было не совсем ясно, на кого именно указывал его палец». Трояновский вспоминает один такой отбор, который очень хорошо характеризует извращенный способ мышления лагерфюрера Карла Фрича: «Во время отбора Фрич обратил внимание на человека, который стоял рядом со мной и весь дрожал. Он спросил его: “Чего ты трясешься?” Через переводчика тот человек ответил: “Потому что боюсь. У меня дома маленькие дети, и я хочу их вырастить. Я не хочу умирать”. Тогда Фрич сказал: “Смотри у меня, чтобы этого больше не было, а то отправлю тебя туда!” – и показал на трубу крематория. Бедняга не понял и, истолковав жест Фрича по-своему, вышел из строя. Переводчик ему говорит: “Лагерфюрер тебя не выбирал, стань в строй”. Но Фрич его прервал: “Оставь его. Раз он вышел из строя, значит, такова уж его судьба”».

Отобранных заключенных уводили в подвал блока 11 и запирали в камере, не давая им еды. Они должны были скончаться там от голода. Это была медленная и мучительная смерть. Роман Трояновский позднее узнал, что один его знакомый дошел до того, что после недели голода съел свою обувь. А летом 1941 года произошло событие, которое может служить утешением для тех, кто верует в искупительную силу страдания. Максимилиан Кольбе, священник Римско-католической церкви из Варшавы, был вынужден участвовать в отборе после того, как один из заключенных сбежал из его барака. Человек, стоявший рядом с ним, Франтишек Гаевничек, был отобран Фричем, но он заплакал, умоляя о помиловании: у него жена и дети, он хочет жить. Услышав это, Кольбе предложил себя вместо него. Фрич согласился, и Кольбе бросили в камеру голода в числе десяти отобранных для умерщвления заключенных. Через две недели четверо из них все еще были живы, и Кольбе среди них. Их убили, сделав им смертельную инъекцию. В 1982 году уроженец Польши Папа Римский Иоанн Павел II канонизировал Кольбе. Эта история вызвала серьезные споры, не в последнюю очередь из-за того, что в журнале, который издавал Кольбе до своего ареста, часто печатались антисемитские материалы. Однако, несмотря на это, мужество Кольбе, пожертвовавшего жизнью ради жизни другого человека, остается бесспорным.

В том же месяце, июле 1941 года, целый ряд решений, принятых за тысячи километров от лагеря, привел к тому, что Освенцим превратился в еще более зловещее место. Впервые было

принято решение приступить к уничтожению узников Освенцима с помощью газа – но еще не совсем тем методом, который впоследствии принесет лагерю такую дурную славу. Заключенные стали жертвой нацистской программы, именуемой «эвтаназией взрослых». Эта смертельная операция основывалась на указе фюрера, датированном октябрём 1939 года, который позволял врачам отбирать людей с хроническими психическими заболеваниями, а также инвалидов, и умерщвлять их. Поначалу для умерщвления инвалидов использовали инъекции, но затем излюбленным методом стало использование угарного газа в баллонах. Поначалу это происходило в специальных центрах, оборудованных в основном в бывших психиатрических больницах. Там были построены газовые камеры, сконструированные таким образом, что внешне напоминали душевые. За несколько месяцев до своего октябрьского указа Гитлер санкционировал отбор и убийство детей-инвалидов. Совершая все это, Гитлер следовал мрачной логике своего ультра-дарвинистского видения мира. Эти дети не имели права на жизнь, так как слабые – обуза для немецкого общества. Исповедуя теорию расовой чистоты, он беспокоился о том, что, достигнув зрелого возраста, эти дети смогут дать неполноценное потомство.

Указ, распространяющий программу эвтаназии также и на взрослых, был подписан задним числом, 1 сентября 1939 года, в день, когда началась Вторая мировая война. Так война стала катализатором радикализации нацистского мышления. Фанатичные нацисты рассматривали инвалидов как еще один балласт, бремя для страны, вступившей в войну. Доктор Пфанмюллер, один из самых зловещих авторов программы эвтаназии для взрослых, так выразил свои чувства: «Мысль о том, что самые лучшие, цвет нашей молодежи, должны погибнуть на фронте для того, чтобы эти слабоумные, безответственные, антиобщественные элементы могли спокойно существовать в своих больницах, просто невыносима для меня»⁵⁵. Зная, кто именно занимался программой эвтаназии, не удивляешься, что основными критериями отбора были не только степень тяжести заболевания, но и вероисповедание, и этническая принадлежность пациента. Так что евреев, находившихся в психиатрических больницах, посылали в газовые камеры без разбора. Такие же драконовские методы были использованы и на востоке, в результате чего все польские психиатрические больницы были очищены от пациентов. В период между октябрём 1939 года и маем 1940 года около 10 тысяч душевнобольных были убиты в Западной Пруссии и Вартегау. Многие из них – посредством новой технологии – газовой камеры на колесах. Жертв заталкивали в герметично запломбированный кузов грузового фургона, где они задыхались от поступавшего туда из баллонов угарного газа. Освободившееся таким образом жизненное пространство использовалось для того, чтобы разместить новоприбывших этнических немцев.

В начале 1941 года кампания по эвтаназии взрослых распространилась и на концентрационные лагеря, где началась акция под кодовым названием 14f13. Она достигла Освенцима 28 июля 1941 года. «Во время вечерней проверки было сказано, что все больные могут покинуть лагерь для лечения, – рассказывает бывший политический узник Освенцима Казимеж Смольный⁵⁶. – Некоторые заключенные поверили нацистам. У всех еще теплилась какая-то надежда. Но я совсем не был уверен в добрых намерениях СС». Не был в этом уверен и Вильгельм Брассе: его капо, немецкий коммунист, сообщил ему, что он думает о судьбе, ожидавшей больных: «Он рассказал нам о том, что в концентрационном лагере Заксенхаузен до него дошли слухи о том, как людей забирали из больниц, и они просто исчезали».

Около 500 больных заключенных, половина из которых были добровольцами, а другая половина была отобрана, вывели строем из лагеря к ожидавшему их поезду. «Все они были крайне измождены, – рассказывает Казимеж Смольный. – Среди них не было ни одного здорового человека. Это была колонна призраков. В конце колонны шли санитары, которые несли на носилках тех, кто уже не мог идти. Это было жуткое зрелище. Никто не кричал на них и не смеялся над ними. Уезжающие больные были даже довольны тем, что уезжают. При этом они говорили: «Расскажите моим жене и детям о том, что со мной случилось». К большой радости

остающихся заключенных, двое самых печально известных в лагере капо были включены в эту партию. Одним из них был Кранкеман, которого ненавидел весь лагерь. По лагерю прошел слух, что он поссорился со своим покровителем лагерфюрером Фричем. Обоих капо почти наверняка убили тут же в вагоне еще до того, как поезд добрался до конечного пункта назначения. Как и предсказывал Гиммлер насчет того, что произойдет с каждым капо после того, как он перестанет быть капо. Все заключенные, покинувшие в тот день лагерь, погибли в газовой камере, находившейся в переоборудованной психиатрической больнице города Зонненштайн неподалеку от Данцига. Так что первые заключенные Освенцима, погибшие в газовой камере, были убиты не в лагере – для этого они были отправлены в Германию, и убили их не потому, что они были евреями, а потому, что они не могли больше работать.

Лето 1941 года стало не только поворотным пунктом в развитии Освенцима, но и решающим моментом в ходе войны против СССР и ведении нацистской политики по отношению к советским евреям. В разгар лета, в июле, казалось, что все идет по плану и вермахт успешно теснит Красную Армию по всему фронту. Уже 3 июля Франц Гальдер, начальник штаба Верховного командования сухопутных сил Германии, писал в дневнике: «Вероятно, не будет преувеличением сказать, что русская кампания выиграна всего за две недели». Геббельс эхом повторял те же мысли: 8 июля он записал в своем дневнике: «Никто уже не сомневается, что мы победим в России». К середине июля танковые части вермахта уже продвинулись вглубь на расстояние более пятисот километров от советско-германской границы. А к концу июля офицер советской разведки по приказу Берии, который занимал в советском правительстве такую же должность, как Гиммлер в немецком, обратился к болгарскому послу в Москве с просьбой стать посредником в мирных переговорах с Германией⁵⁷.

Однако на фронте ситуация была более сложной. Политика массового голода, которая была в основе немецкой стратегии вторжения, привела к тому, что, к примеру, в Вильнюсе уже в начале июля запасов продовольствия оставалось только на две недели. Геринг очень четко изложил суть нацистской политики в этом вопросе, когда сказал, что право на пропитание имеют только те люди, которые «выполняют важные для Германии задания»⁵⁸. Оставался нерешенным и вопрос касательно того, что делать с оставшимися членами семей евреев, расстрелянных айнзатцгруппами. Эти женщины и дети, потеряв кормильцев, были обречены на быструю смерть от голода: они явно были не в состоянии «выполнять важные для Германии задания».

Между тем продовольственный кризис назревал не только на Восточном фронте, но и в Польше, в Лодзинском гетто. В июле Рольф-Хайнц Гепнер из СС писал Адольфу Эйхману, который на тот момент был начальником отдела, занимавшейся еврейским вопросом в Главном управлении имперской безопасности: «Существует опасность того, что этой зимой мы больше не сможем прокормить всех евреев. Имеет смысл честно взвесить все «за и против» и подумать, а не было бы более гуманным решением просто прикончить всех тех евреев, которые не способны работать, посредством какого-либо быстродействующего приспособления. В любом случае это более милосердно, нежели дать им всем умереть от голода». Важно то, что Гепнер пишет о потенциальной необходимости убить тех евреев, которые «не могут работать» – а не всех. Все чаще и чаще, начиная с весны 1941 года, нацисты начали делать различия между евреями, которые были полезны Германии, и теми, которые не были. Это разделение впоследствии проявится при печально известных «отборах» в Освенциме.

В конце июля Гиммлер издал приказ, призванный решить судьбу тех евреев, которых нацисты считали «бесполезными едоками». Это касалось в первую очередь территории Восточного фронта. Он усилил айнзатцгруппы подразделениями эсэсовской кавалерии и полицейскими батальонами. В конце концов, около 40 000 человек были вовлечены в проведение массовых убийств, что было в десять раз больше, нежели первоначально запланированный личный состав айнзатцгрупп. Такое существенное разрастание имело особую причину: политика гено-

цида на востоке была расширена и теперь включала в себя также уничтожение еврейских женщин и детей. Этот приказ поступал командирам айнзатцгрупп в разное время на протяжении последующих нескольких недель. Часто Гиммлер лично отдавал этот приказ во время своих инспекционных поездок по местам массовых убийств. Но уже к середине августа все командиры этих подразделений смерти знали о расширении своих обязанностей.

Этот момент стал поворотным в процессе массового уничтожения людей. Теперь, после того как было принято решение расстреливать всех еврейских женщин и детей, нацистское преследование евреев вошло в концептуально иную фазу. До этого момента почти все антисемитские меры, предпринимаемые нацистами во время войны, имели черты потенциального геноцида. Еврейские женщины и дети уже умирали в гетто или во время неудавшегося переселения в Ниско. Но в этот раз все было совсем по-другому. Теперь было решено собирать женщин и детей в одном месте, заставляя их раздеваться, голыми выстраивать вдоль специально вырытых ям и расстреливать. В природе просто не могло существовать такого предлога, чтобы сделать из крохотного ребенка прямую угрозу немецкой военной машине. Но с этого момента немецкие солдаты будут видеть в этих детях такую угрозу и будут нажимать на спусковой крючок.

Такое изменение политики было вызвано в этот критический момент множеством факторов. Одним из них стал, конечно, тот факт, что еврейские женщины и дети на захваченной территории Советского Союза представляли теперь для нацистов «проблему», которую те сами и создали, расстреливая еврейских мужчин и насаждая искусственный голод на востоке. Но этот фактор не был единственным в принятии решения расширить кампанию массовых убийств на востоке. В июле Гитлер объявил о том, что он хотел бы создать на востоке немецкий «Райский сад». Естественно, подразумевалось, что для евреев в этом новом нацистском раю места быть не может. И конечно не было случайностью то, что в июле, после нескольких тайных встреч один на один с Гитлером, Гиммлер отдал приказ расширить массовые убийства, начав уничтожение женщин и детей. Этого бы не произошло, если бы того не пожелал фюрер. Притом, что подразделения карателей уже расстреливали всех еврейских мужчин, с точки зрения нацистской идеологии это было следующим логическим шагом – послать подкрепления отрядам карателей для того, чтобы полностью «зачистить» этот новый «Райский сад».

Ганс Фридрих⁵⁹ был солдатом одного из пехотных подразделений СС, которое летом 1941 года было послано на восток в качестве подкрепления для айнзатцгрупп. Его бригада СС действовала в основном на территории Украины. По его словам, они не встречали никакого сопротивления со стороны евреев, которых убивали. «Евреи были в состоянии полного шока, они были так напуганы, что окаменели от страха – делай с ними, что хочешь. Они смирились со своей судьбой». Эсэсовцы и их украинские пособники выгоняли евреев из жилья и выстраивали на краю «глубокой и широкой траншеи. Они должны были стоять таким образом, чтобы от выстрела упасть в эту траншею. Это повторялось снова и снова. Затем кто-то спускался, чтобы тщательно проверить, не осталось ли кого в живых, так как почти никогда не удавалось смертельно ранить каждого с первого выстрела. И если кто-то был еще жив и лежал в траншее раненный, его добивали выстрелом из пистолета».

Фридрих признает, что принимал участие в этих убийствах⁶⁰. Он заявляет, что ни о чем не думал, видя всего в нескольких метрах перед собой тех, кого должен был убить. «Единственное, о чем я думал тогда, было: “Целься лучше, чтобы не промахнуться”. Вот и все мысли. Когда стоишь там с винтовкой наизготовку, готовый выстрелить... есть только одна важная вещь – это твердая рука, чтобы не промахнуться. Больше ничего». Совесть никогда не мучила его воспоминаниями о совершенных им убийствах, ему никогда не снились кошмары о том, что он сделал, он никогда не просыпался посреди ночи, чтобы задать себе вопрос, что же он натворил.

Документы подтверждают, что Фридрих служил в 1-й пехотной бригаде СС, которая вступила на территорию Украины 23 июля 1941 года. Хотя Фридрих, то ли из-за того, что прошло так много лет, то ли из боязни «засветиться», не называет те места, где проходили эти массовые убийства, архивные документы указывают на то, что его бригада принимала участие в нескольких таких операциях в разных местах. Одна такая акция прошла 4 августа 1941 года в Западной Украине. Более 10 тысяч евреев из близлежащих деревень были изгнаны из своих домов и согнаны в город Острог. «Ранним утром (4 августа) в город въехали грузовики, – рассказывает Василий Вальдман⁶¹, который тогда был 12-летним подростком из местной еврейской семьи. – Люди в них были вооружены, с ними были собаки». Окружив город, эсэсовцы погнали тысячи евреев из города по направлению к маленькой деревушке неподалеку от Острога, где находился песчаный карьер. «Все понимали, что нас расстреляют, – рассказывает Василий Вальдман, – но это было просто для эсэсовцев невозможно – сразу расстрелять такое огромное количество людей. Мы добрались до места около десяти часов утра. Всем приказали сесть. Было очень жарко. Не было ни еды, ни воды, люди мочились тут же, на землю. Время тянулось мучительно. Кто-то сказал, что лучше бы его уже расстреляли, чем сидеть тут на этой ужасной жаре. Кто-то упал в обморок. Кто-то умер от страха».

Алексей Мулевич⁶², крестьянин из ближней деревни, не еврей, видел то, что произошло затем. Он взобрался на крышу хлева поблизости и увидел, как евреев небольшими группами по 50–100 человек уводили с поля и заставляли раздеваться догола. «Их ставили на краю огромной траншеи, – рассказывает он, – и офицеры приказывали солдатам, чтобы каждый выбрал себе еврея, в которого будет стрелять... Евреи плакали и кричали, они понимали, что это конец, смерть... Затем раздались выстрелы, и люди рухнули на землю как подкошенные. Офицер отобрал среди живых несколько крепких евреев, чтобы сбросить тела в траншею».

Расстрелы продолжались весь день. Несколько тысяч евреев – мужчины, женщины и дети – были убиты в тот день, но жертв оказалось слишком много; СС просто не смогли уничтожить всех за один день. Поэтому с наступлением сумерек оставшихся в живых евреев, включая Василия Вальдмана и его семью, погнали обратно в Острог. В этой и последующей акциях Василий Вальдман потерял отца, дедушку, бабушку, двух братьев и двух дядей, но ему вместе с матерью удалось бежать из гетто. Три года их прятали у себя местные крестьяне, пока Красная Армия не освободила Украину. «Не знаю как в других деревнях, – рассказывает Вальдман, – но люди в нашей деревне очень помогали евреям». Через несколько дней Алексей Мулевич пошел на поле, где проходили расстрелы, и увидел страшную картину: «Песок под ногами шевелился. Я думаю, там были раненые, которые еще могли двигаться. Мне было так жаль их. Я хотел бы им как-то помочь, но понимал, что даже если вытащу кого-то из этой ямы, то как я смогу его излечить?»

«У нас дома были собаки, – рассказывает Василий Вальдман, – но мы никогда не проявляли к ним такой жестокости, как фашисты к нам... Я все время думал: “Что может сделать людей такими жестокими?”» У Ганса Фридриха был один ответ на этот вопрос: ненависть! «Если честно, у меня не было никакой жалости по отношению к евреям. Они принесли мне и моим родителям так много вреда, что я был просто не в состоянии этого забыть». В результате Фридрих «не испытывал никакой жалости» ни к кому из тех, кого он убивал. «Моя ненависть к евреям слишком велика». Он признался, что во время войны считал, что убийства евреев оправданы – это справедливая «месть», он и по сегодняшний день продолжает так думать.

Для того чтобы понять, почему Фридрих с такой готовностью принимал участие в массовых убийствах и почему даже сегодня он продолжает оправдывать свои действия во время войны, необходимо обратиться к его прошлому. Он родился в 1921 году в той части Румынии, где проживали в основном этнические немцы. Он рос – и учился ненавидеть евреев, с которыми сталкивался он и его семья. Его отец был фермером, а евреи, жившие в их местности, были в основном торговцами и перекупщиками: покупали сельскохозяйственную продукцию

у крестьян, а затем продавали ее на рынке. Родители говорили Фридриху, что евреи извлекают из этих своих сделок огромные барыши, и что они часто обжуливали его семью. «Я бы хотел посмотреть на вас, – говорит Фридрих, – если бы вы прошли через то, через что пришлось пройти нам... если бы вы были фермером, и хотели продать... ну скажем, свиней – и не могли этого сделать. Вы могли продавать скот только через еврейских посредников. Поставьте себя на наше место. Вы просто больше не были хозяином собственной жизни».

В 30-х годах, будучи уже подростком, он вместе с друзьями рисовал плакаты с лозунгами «Не покупайте у евреев» и «Евреи – это наша беда», а затем вывешивал их у входа в еврейский магазин. Он «гордился» этим: ведь он «предупреждал» других о еврейской «опасности»! Он читал всю нацистскую пропаганду, особенно яро антисемитскую газету *Der Sturmer*, и обнаружил, что все идеи нацистов совпадают с его формирующимся мировоззрением.

В 1940 году он вступил в ряды СС, так как «Германский рейх был в состоянии войны» и он хотел «принять в ней участие». Он верил в то, что «между евреями и большевизмом существует связь, и тому есть достаточно доказательств». Когда летом 1941 года, будучи уже членом СС, он шел со своей частью по Украине, ему казалось, что они вошли не в «цивилизованную» страну, «наподобие Франции», а в нечто в лучшем случае «получивилизованное» и находящееся «далеко позади Европы». Получив приказ убивать евреев, он делал это охотно, считая, что мстит тем еврейским торгашам, которые, со слов его отца, обманывали их семью. Тот факт, что это были совсем другие евреи – жители другой страны – не имел для него никакого значения. Как он выразился, «все они евреи».

Абсолютно не раскаиваясь в своем участии в уничтожении евреев, Ганс Фридрих и сегодня не испытывает никаких сожалений о прошлом. Хотя он не говорит этого прямо, он всем своим видом показывает, насколько он гордится тем, что делали он и его товарищи в годы войны. С его точки зрения обоснование его поступков абсолютно ясно и понятно: евреи нанесли ему и его семье вред, да и вообще без них мир был бы гораздо лучше. В один из моментов откровенности Адольф Эйхман как-то заметил, что от одного сознания, что он участвовал в убийстве миллионов евреев, он испытывает такое удовлетворение, что готов «со смехом прыгнуть в собственную могилу». То же самое можно сказать и о Гансе Фридрихе.

Однако нельзя с полной уверенностью утверждать, что именно летом 1941 года, когда ширилась кампания массовых убийств евреев на Восточном фронте, было принято нацистское «окончательное решение еврейского вопроса», определившее и судьбы миллионов других евреев, проживающих в Германии, Польше и странах Западной Европы. Один документ все же указывает на связь между двумя этими явлениями. 31 июля Гейдрих получил подпись Геринга на документе, в котором было написано следующее: «В дополнение к поставленной вам 24 января 1939 года задаче по решению еврейского вопроса посредством их эмиграции и эвакуации самым подходящим для этого способом я приказываю вам представить на рассмотрение всесторонний план организационных и материально-подготовительных мер для приведения в жизнь планируемого окончательного решения еврейского вопроса». Дата на этом документе очень важна: Геринг дает Гейдриху общее разрешение на «окончательное решение» для всех евреев, находящихся на территориях под немецким контролем, именно в тот момент, когда отряды убийц должны приступить к массовым расстрелам еврейских женщин и детей на Востоке.

Однако недавняя находка в Российском государственном военном архиве бросает тень сомнения на особое значение документа, подписанного Герингом 31 июля 1941 года. Найденный в архиве документ содержит запись, сделанную Гейдрихом 26 марта 1941 года: «Что касается еврейского вопроса, я вкратце доложил рейхсмаршалу Герингу о существующем положении и представил ему на рассмотрение свой новый план, который он одобрил с одним только замечанием, касающимся юрисдикции Розенберга», и приказал снова его представить в переработанном виде⁶³. «Новый план» Гейдриха, по всей вероятности, соответствовал изменению

антисемитской политики нацистов в связи с надвигающимся немецким вторжением в Советский Союз. Идея отправки евреев в Африку была отвергнута в начале 1941 года, и Гитлер приказал Гейдриху приступить к разработке плана по отправке евреев куда-нибудь на территорию, находящуюся под контролем Германии. Поскольку предполагалось, что война с Советским Союзом продлится всего несколько недель и завершится до начала русской зимы, логично предположить, что и Гитлер и Гейдрих планировали оттеснить евреев осенью того года как можно дальше на восток и таким образом решить нацистами же созданную еврейскую проблему на подконтрольных им территориях. На бескрайних просторах русского севера евреям предстояло подвергнуться тяжким страданиям.

Как видно из документа, подписанного Герингом 31 июля 1941 года, Гейдриху еще в начале 1939 года было поручено «решить еврейский вопрос посредством эмиграции и эвакуации». И дискуссии внутри нацистского государства касаясь его полномочий и пространства для маневра в рамках решения этого вопроса не прекращались с того самого момента. Альфред Розенберг (упоминаемый в документе от 26 марта), официально назначенный Гитлером 17 июля 1941 года на должность рейхсминистра оккупированных восточных территорий, являл собой потенциальную угрозу влиянию и власти самого Гейдриха на востоке. Так что этот документ от 31 июля 1941 года, скорее всего, и был создан для того, чтобы помочь Гейдриху прояснить его статус на оккупированных восточных территориях.

Недавно найденные документы не подтверждают ранее распространенное мнение о том, что Гитлер весной или летом 1941 года принял окончательное решение отдать приказ об уничтожении всех евреев Европы, важной частью которого и был документ от 31 июля 1941 года. Более вероятный сценарий событий состоит в том, что, поскольку все видные деятели нацистского режима сконцентрировали внимание на войне с Советским Союзом, решение уничтожать женщин и детей на Востоке виделось им всего лишь практичным способом решения особо острой конкретной проблемы.

Однако это особое «решение» в свою очередь приведет к появлению дополнительных трудностей, в результате чего появятся новые методы массовых убийств, уже не только евреев, в еще большем масштабе. Крайне важным моментом в процессе эволюции нацистского геноцида стало событие, произошедшее 15 августа 1941 года, когда Генрих Гиммлер приехал в Минск и своими глазами увидел собственные команды смерти в действии. Одним из тех, кто вместе с Гиммлером присутствовал при расстрелах, был Вальтер Френц⁶⁴, офицер люфтваффе, который служил кинооператором в штабе Гитлера. Френц был потрясен увиденным, как и некоторые члены расстрельной команды. «Я шел вдоль места, где только что расстреливали людей, – рассказывает Френц, – и ко мне подошел командир вспомогательной полиции, так как на мне была форма люфтваффе. “Лейтенант, – умолял он, – я больше не могу этого вынести. Пожалуйста, помогите мне выбраться отсюда”. Я сказал: “Ну, у меня нет никакой власти над полицией. Я офицер люфтваффе, что я могу сделать?” – “Это невыносимо, – повторял тот. – Это невозможно, это просто ужас!..”»

Этот офицер был не единственным, кто испытал психологический шок после расстрелов в Минске. Обергруппенфюрер СС (генерал-лейтенант) фон дем Бах-Зелевски, который также присутствовал при проведении массовых расстрелов в Минске, сказал Гиммлеру следующее: «Здесь расстреляли всего сотню людей... Посмотрите на глаза наших солдат из расстрельной команды: они потрясены до глубины души! Эти солдаты уже конченные люди до конца своих дней. Каких последователей нашей идеи мы готовим здесь? Или психопатов, или озверевших дикарей!»⁶⁵ Впоследствии Бах-Зелевски сам стал мучиться расстройствами психики: его преследовали «видения» убийств, в которых он принимал участие.

В результате всех этих протестов, а также собственных впечатлений во время поездки на Восточный фронт, Гиммлер отдал приказ разработать такой способ уничтожения людей, который бы не вызывал таких психологических проблем у его солдат и офицеров. Выпол-

няя его приказ, уже через несколько недель унтерштурмфюрер СС (лейтенант), доктор Альберт Видман из Технического института криминологии отправился на Восточный фронт для того, чтобы встретиться с начальником Айнзатцгруппы В Артуром Небе в его штаб-квартире в Минске. Ранее Видман занимался разработкой технологии удушения газом, с помощью которой в рейхе уничтожали душевнобольных. Теперь он намеревался использовать свой опыт на востоке.

Невероятно, но первым методом, который Видман испробовал, пытаясь «улучшить» технологию убийств в Советском Союзе, стала попытка взрывать заключенных. Несколько душевнобольных затолкали в блиндаж и заложили туда динамит. Вильгельм Яшке, капитан, служивший в айнзатцкоманде 8, был тому свидетелем: «Это было ужасное зрелище. Взрыв оказался недостаточно мощным. Несколько выживших, но раненых душевнобольных выползли из блиндажа, плача и стеная...⁶⁶ Блиндаж полностью завалило. Части человеческих тел валялись повсюду и даже висели на ветвях. На следующий день мы собрали все останки, разбросанные по земле и висевшие на деревьях, и бросили их в блиндаж. Однако те куски человеческой плоти, что были слишком высоко, мы так и не смогли снять, и они так и остались там висеть»⁶⁷.

Проведя этот кошмарный эксперимент, Видман осознал, что взрывы – явно не тот путь, который желает видеть Гиммлер. Он приступил к поискам другого метода. В программе эвтаназии, проводимой в рейхе, успешно использовался угарный газ в баллонах как средство уничтожения людей, но транспортировать огромное количество баллонов этого газа за тысячи километров на восток представлялось ему крайне непрактичным. Видман и его коллеги задумались о том, как можно по-другому использовать угарный газ для уничтожения людей. За несколько недель до этого Видман и его босс доктор Вальтер Хесс, сидя в вагоне берлинского метро, болтали о несчастном случае, происшедшем с Артуром Небе. Возвращаясь пьяным с вечеринки, Небе заехал в гараж – и заснул в машине, не выключив двигатель. В результате он чуть не умер от отравления угарным газом из выхлопной трубы.

Это происшествие натолкнуло Видмана на мысль провести эксперимент с выхлопными газами. Что он и проделал в Могилеве, к востоку от Минска: присоединив шланг с одной стороны к выхлопной трубе автомобиля, он провел этот шланг в кирпичный подвал городской психиатрической больницы. Группу пациентов заперли в этом подвале и завели мотор автомобиля, к которому вел этот шланг. Вначале эксперимент у нацистов, с их точки зрения, не удался: в помещение попало недостаточно газа для того, чтобы погибли все жертвы. Но затем ситуацию «исправили», заменив легковую машину грузовиком. На этот раз эксперимент, с нацистской точки зрения, оказался успешным. Видман изобрел дешевый и эффективный способ уничтожения людей, который бы уменьшил психологическое воздействие совершаемого преступления на убийц.

Таким образом, осенью 1941 года Видман инициировал радикальные изменения в процессе геноцида на востоке. Но как и когда было принято решение о том, что Освенцим станет неотъемлемой частью массового уничтожения евреев? До сих пор в этом нет ясности. Во многом этот процесс усложняют показания Хесса. В них он не только пытался представить себя жертвой требований Гиммлера и некомпетентности своих подчиненных, но и все время путался в датах. В своих показаниях Хесс заявляет следующее: «Летом 1941 года Гиммлер вызвал меня и сказал: “Фюрер приказал приступить к окончательному решению еврейского вопроса, и мы должны выполнить поставленную нам задачу. Для этой цели я выбрал Освенцим, поскольку там существует удобная транспортная развязка, и это место довольно изолированно от остального мира”»⁶⁸.

Хесс действительно был на приеме у Гиммлера в июне 1941 года: показывал рейхсфюреру СС, как продвигается план построения Освенцима в свете договоренностей с *I. G. Farben* о расширении. Но крайне маловероятно, что ему на той же встрече сообщили о том, что Освен-

цим станет частью «окончательного решения». Во-первых, не существует каких-либо доказательств того, что «окончательное решение», подразумевающее уничтожение евреев в лагерях смерти, вообще планировалось в тот момент. Встреча с Гиммлером состоялась еще до того, как начались первые расстрелы айнзатцгруппами мужчин-евреев на востоке, а затем, в конце июля, началась кампания массовых убийств. Во-вторых, Хесс противоречит сам себе, добавляя, что «на тот момент в Генерал-губернаторстве уже существовало три других лагеря смерти: Белжец, Трешлинка и Собибор». Но на самом деле ни один из этих лагерей еще не существовал летом 1941 года, все они появились уже в 1942 году, причем отнюдь не в начале его.

Некоторые ученые все же полагают, что, несмотря на все противоречия в своих показаниях, Хесс вероятно все же во время встречи с Гиммлером в июне 1941 года получил приказ: создать в Освенциме некие возможности для массового уничтожения людей. Но те данные, которые существуют на сегодня касаются создания оборудования для уничтожения людей в лагере летом и ранней осенью 1941 года едва ли подтверждают, что эта проблема обсуждалась на встрече с Гиммлером в июне. Самое правдоподобное объяснение несоответствий в показаниях Хесса – возможность того, что он просто перепутал даты. Беседа с Гиммлером вроде той, что описана в его показаниях, скорее всего, действительно имела место, но не в 1941 году, а годом позднее.

Все это ни в коем случае не означает, что летом 1941 года в Освенциме не происходили массовые убийства. Проведя чистку всех больных заключенных в рамках программы 14 f13, а также расстреляв в каменоломнях всех советских комиссаров, власти Освенцима столкнулись с той же проблемой, что и айнзатцгруппы на Восточном фронте: необходимостью найти более эффективный способ уничтожать людей. Решение, похоже, было найдено в конце августа или начале сентября, в тот момент, когда Хесса не было в лагере. Карл Фрич, заместитель коменданта лагеря, решил найти новое применение для пестицида, используемого для борьбы с насекомыми в болотистой местности вокруг лагеря – это была соль цианистоводородной кислоты (цианид). Этот пестицид продавался в банках, и назывался он «Циклон Б». Фрич в Освенциме совершил тот же «полет мысли», что и Видман на Восточном фронте. Если «Циклон Б» можно использовать для уничтожения вшей, то почему его нельзя использовать для уничтожения человеческих «паразитов»? А поскольку блок 11 уже был местом казней внутри лагеря, и его подвал был герметично изолирован, то он естественно стал самым подходящим местом для того, чтобы провести эксперимент.

Освенцим в то время был не тем местом, где подобную акцию можно было провести тайно. Расстояние между бараками составляло всего несколько метров, а слухи легко распространялись. Поэтому об эксперименте Фрича всем было известно с самого начала. «Я видел, как туда возили на тачках землю, чтобы изолировать окна, – рассказывает Вильгельм Брассе. – Затем в один прекрасный день я увидел, как начали выносить тяжелобольных на носилках из госпиталя и относить их в блок 11». Кроме больных довольно предсказуемо в блок 11 отправили и тех, кто относился к другой категории заключенных, выбранных руководством Освенцима для убийства – советских комиссаров. «Советских военнопленных согнали в подвал, – рассказывает Август Ковальчик. – Но оказалось, что газ не сработал как надо, и многие из них на следующий день были еще живы. Тогда концентрацию газа усилили, добавив еще кристаллов пестицида».

Когда Хесс вернулся, Фрич доложил ему о проведенном эксперименте. Хесс лично присутствовал при следующем отравлении заключенных газом. «Надев противогаз, я наблюдал за тем, как они умирали. Как только в переполненную камеру подавали «Циклон Б», смерть наступала почти мгновенно. Короткий вскрик задыхающихся – и все кончено». Правда, доказательства свидетельствуют, что смерть заключенных в блоке 11 была далеко не «мгновенной». Однако для нацистов в любом случае использование газа «Циклон Б» в Освенциме существенно упрощало процесс уничтожения людей. Убийцам больше не нужно было смотреть в

глаза своим умирающим жертвам. Хесс писал тогда, что он очень «рад» тому, что нашли такой способ убийства, который избавит его от нужды устраивать «кровавую бойню». Но он ошибался. Настоящая кровавая бойня только начиналась.

Глава 2

Приказы и личная инициатива

Седьмого апреля 1946 в рамках нюрнбергского процесса американский психолог доктор Густав Гилберт проводил допрос Рудольфа Хесса. «Вам никогда не приходило в голову, – спросил Гилберт Хесса, – отказаться выполнять приказы Гимmlера, касаемые так называемого “окончательного решения”»?¹ – «Нет, – ответил Хесс, – учитывая всю ту подготовку, которую мы получили, сама мысль отказаться выполнять приказ никогда не приходила нам в голову, вне зависимости от содержания приказа... Я думаю, вы просто не понимаете, в каком мире мы жили. Естественно, я обязан был подчиняться приказам».

Таким образом, Хесс недвусмысленно ставит себя в один ряд с той массой немецких солдат, которые после поражения в войне хотели, чтобы весь мир думал, что они были просто роботами, слепо выполнявшими любые приказы, независимо от своих личных чувств и взглядов. Но на деле Хесс далеко не был безотказным автоматом. На протяжении последних шести месяцев 1941 года и первых шести месяцев 1942 года он продемонстрировал недюжинную изобретательность. Не просто выполнял приказы, но и проявлял собственную инициативу, чтобы увеличить «производительность» процесса уничтожения заключенных в Освенциме. В тот решающий период так думал и действовал не только Хесс: многие другие нацисты также сыграли свою зловещую роль. Этот фактор стал необычайно важным в развитии процесса уничтожения: ему очень способствовали различные инициативы, проявленные функционерами, начиная с самого низа нацистской иерархической лестницы. Когда война закончилась, Хесс и сотни других нацистов пытались убедить весь мир в том, что только один человек принимал все решения – Адольф Гитлер. Но «окончательное решение еврейского вопроса» было коллективным делом очень многих людей. И лучше всего это иллюстрирует пример того, как принималось решение о депортации немецких евреев осенью 1941 года.

Война против Советского Союза, которая началась в июне того года, привела к самому радикальному решению созданной самими же нацистами «еврейской проблемы»: начались расстрелы еврейских мужчин, женщин и детей на территории Советского Союза. Но евреи Западной Европы и Германского рейха жили еще относительно спокойно, и та бойня, что происходила на востоке, их пока не затрагивала. Нацисты предполагали всех этих евреев «отправить на восток», как только закончится война, что по оптимистическим оценкам Гитлера, Гимmlера и Гейдриха должно было произойти где-то осенью 1941 года. Что должно было произойти со всеми этими евреями после отправки на восток «после окончания войны», не совсем было ясно, поскольку тогда еще не существовало лагерей смерти, готовых их принять. Скорее всего, их послали бы в трудовые лагеря, расположенные в самых отдаленных районах оккупированного нацистами Советского Союза. Там все равно продолжался бы геноцид еврейского народа, просто он длился бы гораздо дольше, нежели убийства в газовых камерах концентрационных лагерей в Польше.

Но в августе сразу несколько видных партийных деятелей стали проявлять нетерпение, требуя ускорить осуществление этого плана. Они знали, что на Востоке с советскими евреями уже «разбирались», причем самым жестоким способом, который только можно было себе представить. Почему бы, стали поступать предложения, не выслать немецких евреев в этот эпицентр массовых убийств, причем немедленно? Йозеф Геббельс, нацистский министр пропаганды и гауляйтер Берлина, был одним из тех, кто летом 1941 года активнее всех ратовал за депортацию всех евреев Берлина на Восток. На совещании, которое состоялось 15 августа, статс-секретарь Геббельса Леопольд Гуттерер указал на тот факт, что из 70 тысяч евреев, проживавших в Берлине, только 19 тысяч где-нибудь работали (естественно такая ситуация сло-

жилась потому, что нацисты ввели целый ряд законов, ограничивающих права немецких евреев на работу). Всех, кто не работает, заявил Гуттерер, «необходимо отправить в Россию... а еще лучше просто уничтожить»². Когда 19 августа Геббельс встретился с Гитлером, он сделал аналогичное предложение фюреру: немедленно депортировать евреев Берлина.

Все помыслы Геббельса занимали безумные нацистские бредни о роли, которую евреи якобы сыграли в Первой мировой войне. В то время как немецкие солдаты проливали свою кровь на фронте, защищая родину, евреи, по мнению нацистов, зарабатывали на войне в безопасности больших городов (на самом-то деле, конечно, немецкие евреи гибли на фронте «пропорционально» своей доле в населении Германии). Но теперь, летом 1941 года, Геббельс окончательно вбил себе в голову, что все это было правдой, и теперь, когда вермахт изо всех сил борется с врагами рейха на востоке, евреи спокойно живут в Берлине.

А что еще им оставалось делать? Ведь им было запрещено служить в германских вооруженных силах! Как это повторялось уже не в первый раз, нацисты сами создали такие обстоятельства, которые затем лучше всего подходили для оправдания их предрассудков. Но, несмотря на увещевания Геббельса, Гитлер пока не соглашался разрешить депортировать берлинских евреев. Он сказал, что на данный момент главный приоритет государства – ведение войны, а еврейский вопрос может и подождать. Однако Гитлер пошел навстречу Геббельсу в одной из его просьб. Нацисты ввели еще одну антисемитскую меру, которая еще больше ужесточила преследование евреев. Гитлер дал согласие на то, чтобы все евреи Германии отныне носили желтые звезды Давида. В гетто польских городов евреи должны были носить такие знаки отличия с самых первых месяцев нацистской оккупации, но немецкие евреи до сих пор такому унижению не подвергались.

В то лето и начало осени Геббельс был не единственным высокопоставленным нацистским функционером, убеждавшим Гитлера дать разрешение на депортацию немецких евреев. Сразу же после авианалета британских ВВС на Гамбург 15 сентября 1941 года гауляйтер Гамбурга Карл Кауфман решил написать Гитлеру письмо с просьбой разрешить депортацию евреев города для того, чтобы предоставить их жилье чистокровным немцам, чьи дома были разрушены в результате бомбардировки города. К этому моменту Гитлер получил письма с предложением выслать евреев на восток от целого ряда различных нацистских функционеров, включая предложение Альфреда Розенберга депортировать всех евреев Центральной Европы в отместку за недавнюю депортацию Сталиным немцев Поволжья в Сибирь. И теперь, всего через несколько недель после заявления, что евреев рейха нельзя депортировать, Гитлер неожиданно передумал. В сентябре он решил все-таки начать изгнание евреев на восток.

Однако в этой перемене решения не стоит усматривать некую нерешительность Гитлера, поддавшегося настоятельным требованиям своих подчиненных. Последние события на фронте повлияли на фюрера не меньше, нежели обращения его подчиненных. Гитлер всегда говорил, что евреев можно депортировать после окончания войны – и вот в сентябре 1941 года ему очевидно уже казалось, что до «депортации евреев после окончания войны» осталось буквально всего несколько недель. Киев должен был вот-вот пасть. Ничто, казалось, не могло остановить немецкого наступления на Москву, поэтому Гитлер был все еще уверен в том, что Советский Союз будет разгромлен до наступления зимы.

Открытым, конечно, оставался вопрос: куда же выслать евреев? У Гимmlера был один ответ: почему бы евреям рейха не присоединиться к польским евреям в их гетто? 18 сентября Гимmlер написал письмо Артуру Грейзеру, нацистскому гауляйтеру Вартеланда в Польше, с просьбой подготовить гетто Лодзи к прибытию 60 тысяч евреев из Старого Рейха. Однако Гимmlер знал, что в лучшем случае это могло стать только краткосрочным решением, поскольку, как довольно быстро ему указали местные нацистские функционеры, гетто Лодзи уже тогда было переполнено.

Семнадцатилетняя Люсиль Айхенгрин³ была среди первых немецких евреев, депортированных из страны после того, как Гитлер принял решение изменить свою политику по отношению к евреям рейха. В октябре 1941 года, когда ее мать получила заказное письмо, в котором содержался приказ их семье приготовиться покинуть Гамбург в течение 24 часов, никто, включая даже тех нацистов, которые хотели избавиться от них, не мог себе представить, насколько долгим и мучительным окажется их путь в Освенцим. Семья Айхенгринов уже перенесла много страданий. Отец Люсиль был гражданином Польши, и поэтому в самом начале войны был арестован и отправлен в Дахау. Через восемнадцать месяцев после его ареста, в феврале 1941 года, семья, наконец, получила новости об отце: «К нам в дом пришло гестапо. При полном параде, в начищенных до блеска сапогах, фуражках и кожаных куртках – их типичной для того времени форме, – рассказывает Люсиль Айхенгрин. – Они бросили на кухонный стол коробку от сигар и сказали: “Это пепел Бенямина Ландау [отца Люсиль]”. Было ли это правдой – или то была просто горстка пепла из крематория Дахау – мы уже никогда не узнаем. Мы были просто убиты известием о смерти отца. Особенно моя мать и младшая сестра: на них лица не было». И вот теперь, восемь месяцев спустя после того, как они узнали о смерти главы семьи от рук нацистов, Люсиль, ее сестра и мать в последний раз вышли из своего дома и пешком отправились на вокзал. На всем пути они не встретили на улицах города ни одного сочувственного взгляда. «Они [немцы] стояли на улице с каменным выражением лиц, – рассказывает Люсиль. – Они либо ругались в наш адрес, либо отворачивались. Меня это не обижало – скорее приводило в ужас».

Уве Шторйоханну⁴ было на тот момент шестнадцать лет, и он был одним из тех немцев, жителей Гамбурга, которые стояли на улицах и наблюдали, как мимо них шли евреи. «Где-то около 20 процентов людей громко радовались, – рассказывает он, – говорили: “Слава богу, эти ненужные нахлебники наконец-то исчезнут”, “Они ведь просто паразиты!” Они радостно хлопали в ладоши каждый раз, когда мимо шли евреи. Но основная масса людей просто спешила пройти мимо, в гробовой тишине, стараясь не замечать происходящего. Именно эта основная масса после окончания войны и будет утверждать: “Я ничего не знал об этом. Мы ничего такого не видели”». У одного из друзей Уве Шторйоханна в роду были евреи, и ему пришлось попрощаться с любимой тетей и бабушкой. Это была душераздирающая сцена. Сам друг был евреем только на четверть, поэтому ему разрешили остаться, но его тетя и бабушка были чистокровными еврейками, и должны были покинуть город. После всего увиденного только одна мысль крутилась в голове Уве Шторйоханна: «Мною овладело только одно чувство: слава Богу, что я не еврей. Слава Богу, что я не принадлежу к этому народу. Я, конечно, мог бы родиться евреем, потому что родителей не выбирают – и тогда я был бы среди тех, кого сейчас депортируют. И мне бы пришлось носить эту желтую звезду. Я до сих пор не могу забыть это ощущение... Тут же, – продолжает он, – возникала мысль: “Но что же будет с этими людьми?” И я, конечно, был в курсе после всего того, что слышал, что ничего хорошего с ними не произойдет. Их всех вышлют туда, в тот ужасный мир».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.